ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНУ.

Записки сестеръ милосердія Е. Ч. и Н. К.

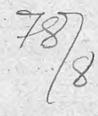
(Отдѣльный оттискъ статьи, напечатанной въ № 6 „Вѣстника Краснаго Креста", Іюнь 1915 г.).

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія.
1915.

ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНУ.

Записки сестеръ милосердія Е. Ч. и Н. К.

(Отдѣльный оттискъ статьи, напечатанной въ № 6 „Вѣстника Краснаго Креста", Іюнь 1915 г.).

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія.
1915.

Въ германскомъ плѣну.

Послѣ недолгой стоянки въ Граевѣ и Толминкеменѣ нашъ отрядъ былъ назначенъ въ Сталупененъ, гдѣ заняли вокзалъ. Это былъ очень интересный передовой пунктъ. Кромѣ раненыхъ, поступавшихъ къ намъ съ нѣсколькихъ сторонъ, постоянно проѣзжало много офицеровъ: отъ нихъ мы узнавали всѣ послѣднія военныя новости. Настроеніе было чрезвычайно бодрое и даже приподнятое по поводу начатаго нами наступленія на Лаздененъ. Видъ войскъ былъ тоже прекрасный; несмотря на полное внѣшнее разореніе края (въ городахъ положительно не осталось камня на камнѣ), мы нашли при вторичномъ наступленіи массу зерна и всякихъ припасовъ. По всей Восточной Пруссіи на хуторахъ солдаты молотили на снѣгу; сквозь открытыя двери амбаровъ виднѣлись огромные склады зерна, сѣна и соломы. Избытокъ доходилъ до того, что изготовленные нами окопы иногда покрывались слоемъ немолоченной пшеницы: огромные колосья отъ тяжести свѣшивались внутрь, образуя неожиданный золотой сводъ. На ряду съ этимъ страшные слѣды войны чувствовались повсюду, въ изрытыхъ окопами и снарядами поляхъ, въ скошенныхъ и исковерканныхъ артиллерійскимъ огнемъ лѣсахъ, въ многочисленныхъ одинокихъ и братскихъ могилахъ, а особенно въ опустѣвшихъ, совершенно разоренныхъ городахъ. Въ Сталупененѣ мы съ трудомъ нашли себѣ пристанище; немногіе сохранившіеся дома были заняты штабомъ N-го корпуса, отдѣльными воинскими частями и двумя Краснокрестными лазаретами, Ковенскимъ и Пермскимъ. Въ Сталупененѣ же стоялъ казачій полкъ, который немедленно по нашемъ пріѣздѣ доставилъ намъ нехватающую для лазарета и необходимую для насъ обстановку. Командиръ полка, 70-лѣтній генералъ, былъ общимъ другомъ сестеръ—онъ заботливо слѣдилъ за комфортомъ мѣстныхъ лазаретовъ и даже устроилъ великолѣпную баню—роскошь неслыханную въ этой мѣстности.

Проработали мы въ Сталупененѣ всего три недѣли. Работа была непрерывная, но не тяжелая. Санитарный военный поѣздъ литера Ж приходилъ почти ежедневно и забиралъ всѣхъ имѣвшихся у насъ

*

раненыхъ. Хотя и ходили смутные слухи о томъ, что нѣмцы, воспользовавшись тѣмъ, что мы перекинули 2 корпуса на Варшавскій фронтъ, въ свою очередь двинули на Восточную Пруссію баварскій корпусъ,— настроеніе продолжало быть бодрымъ и увѣреннымъ.

Первымъ предзнаменованіемъ перемѣнъ, на которое мы, впрочемъ, обратили мало вниманія, было внезапное возвращеніе штаба изъ Пилькалена въ Сталупененъ, возвращеніе, вызванное тѣмъ, что нѣмцы начали небольшую демонстрацію, какъ думали. Въ эти дни разразились страшныя мятели—заносы были такъ велики, что затруднили всякое сообщеніе,—поѣзда останавливались въ снѣжныхъ заторахъ, и ихъ приходилось выкапывать. Полковникъ М. и кн. Г., пріѣхавшіе къ намъ на моторѣ на нѣсколько часовъ, несмотря на повторенныя попытки, не могли выѣхать обратно.

26 Января вечеромъ штабные офицеры пригласили отрядъ на слѣдующій день обѣдать въ штабъ; приглашеніе мы приняли. Каково же было наше изумленіе, когда на слѣдующее утро въ 8 час. тѣ же офицеры, пріѣхавъ на моторѣ къ намъ, въ волненіи предупредили насъ, чтобы мы немедленно сворачивались и уѣзжали, т. к. нѣмцы большими силами идутъ на насъ. Нѣсколько времени спустя пріѣхалъ корпусный врачъ съ категорическимъ приказаніемъ черезъ два часа уѣзжать, т. к., въ случаѣ промедленія, онъ не ручается за нашу личную безопасность. Въ виду того, что съ ранняго утра на нашъ пунктъ въ большомъ количествѣ начали поступать раненые, большею частью тяжелые, не перевязанные и полу-замерзшіе, и наше присутствіе было болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо, мы рѣшили не двигаться, пока не получимъ на то распоряженія уполномоченнаго Краснаго Креста при N-мъ Корпусѣ Б. Его ждали къ 12 часамъ, и мы находились отъ него въ прямой зависимости. Пріѣхавшій въ ожидаемое время Б., только въ Сталупененѣ узналъ о начавшемся отступленіи. Какъ мы выяснили впослѣдствіи, всѣ посланныя ему телеграммы съ предупрежденіемъ быть наготовѣ были перехвачены на пути и не дошли по назначенію. Вызвавъ немедленно же передовой Пилькаленскій отрядъ телеграммой и пославъ ему навстрѣчу свой автомобиль, онъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія относительно Ковенскаго и Пермскаго лазаретовъ, намъ-же заявилъ, чтобъ мы поступили по личному усмотрѣнію, т. е. позволилъ намъ уѣхать, если страхъ намъ это подсказываетъ. На выраженное нами желаніе остаться, въ виду вновь прибывающихъ раненыхъ, онъ отвѣтилъ согласіемъ, удостовѣрившись, что комендантъ во-время вывезетъ насъ съ послѣдними ранеными. Тутъ въ

отрядѣ произошелъ расколъ: часть хотѣла во что бы то ни стало уѣхать, ради спасенія имущества, другая же часть, съ врачемъ во главѣ, рѣшила держаться и работать до послѣдней возможности. Послѣ короткаго, но крупнаго столкновенія пересилило послѣднее мнѣніе. Отрядъ остался, продолжая лихорадочную работу.

Картина вокзала къ этому времени была ужасная. Онъ не вмѣщалъ раненыхъ, которыхъ подвозили непрерывно; болѣе легкіе приходили группами пѣшкомъ, помогая другъ другу. Изъ отрывочныхъ словъ мы узнали, что нѣмцы уже заняли Пилькаленъ и быстро надвигаются. Ковенскій и Пермскій лазареты, свернушись, привезли на вокзалъ всѣхъ своихъ раненыхъ и уѣхали въ 4 часа съ однимъ изъ санитарныхъ поѣздовъ. Передъ отъѣздомъ они убѣждали насъ послѣдовать ихъ примѣру и, въ виду нашего отказа, записали на всякій случай фамиліи всѣхъ оставшихся. Весь день отходили поѣзда съ ранеными. Мы перевязывали, не покладая рукъ. Нѣсколько находящихся здѣсь легко раненыхъ офицеровъ, а также полковникъ М. и кн. Г., въ особенности послѣдній, помогали намъ изо всѣхъ силъ. Около 6 час. отошелъ послѣдній санитарный поѣздъ, а раненые все еще прибывали. Комендантъ предоставилъ намъ теплушки и товарные вагоны съ тѣмъ, чтобы мы выѣзжали по его первому требованію. Начало смеркаться, и жуткое чувство, въ которомъ до этого момента не было времени дать себѣ отчета, росло. Въ городѣ—зловѣщая тишина. Штабъ уѣхалъ въ 4 часа, и въ Сталупененѣ, кромѣ раненыхъ, насъ и коменданта съ немногими ополченцами, не осталось ни души. Быстро темнѣло. Только двѣ-три свѣчи освѣщали весь огромный вокзалъ: спиртовыя лампы и нѣкоторыя другія вещи исподволь укладывались. Съ 9-ти часовъ раненые перестали приходить.

Въ 10 час. комендантъ потребовалъ, чтобъ мы выѣзжали, т. к. черезъ часъ онъ долженъ взорвать станцію. Погрузивъ нашихъ раненыхъ и сѣвъ въ теплушки съ самыми тяжелыми, мы тронулись. Въ теплушкахъ была такая нестерпимая атмосфера, что мы пріоткрыли дверь. Ночь была совершенно черная; вѣтеръ вылъ, и мятель съ каждой минутой все усиливалась, при 14° мороза. Вблизи уже взвивались нѣмецкія ракеты, и прожекторы яркими полосами прорѣзывали темноту; весь горизонтъ, насколько охватывалъ взглядъ, былъ прямой линіей огня: наши войска, отступая, все жгли на своемъ пути. Несмотря на продолжающуюся мертвую тишину чувствовалось вокругъ какое-то огромное волненіе, именно чувствовалось, а не слышалось, и это волненіе охватывало всѣхъ, какъ насъ, такъ и раненыхъ, за исключеніемъ

самыхъ тяжелыхъ, которымъ, кромѣ собственныхъ страданій, ни до чего уже не было дѣла.

Черезъ три четверти часа мы были въ Вержболовѣ, гдѣ сдали всѣхъ своихъ раненыхъ въ санитарный поѣздъ, отходившій въ ту же ночь. Сами же мы отправились въ залъ I-го класса, переполненный народомъ: здѣсь были и военные, и дамы, и дѣти, и лазареты, и Рижскій и Московскій автомобильные отряды. Всѣ собирались уѣзжать въ тылъ, лазареты и военныя части по приказанію свыше, частныя же лица, слѣдуя общему движенію и не отдавая себѣ отчета въ необходимости такого шага. На вокзалѣ насъ встрѣтилъ М., все время принимавшій самое близкое участіе въ нашей судьбѣ и, зная, что намъ рѣшительно негдѣ ночевать, предложилъ намъ купэ въ вагонѣ коннозаводства, куда и провелъ насъ. Въ вагонѣ насъ встрѣтили радушно завѣдующій С. и еще какой-то офицеръ и предложили намъ чаю; было 2 часа ночи, и мы впервые сообразили, что у насъ съ утра маковой росинки во рту не было. Несмотря на страшную усталость, на сравнительный уютъ обстановки, въ которой мы такъ неожиданно очутились, и на полную тишину кругомъ (вагонъ стоялъ на запасномъ пути въ сторонѣ отъ вокзала), и тутъ чувствовалось глухое, но быстро наростающее безпокойство, можно даже сказать предчувствіе чего-то огромнаго, неизбѣжно надвигающагося на насъ. Выливалось и взаимно передавалось это настроеніе отдѣльными отрывочными фразами. Каждый волновался за свое: С. безпокоился о лошадяхъ Государственнаго Коннозаводства, помѣщавшихся въ Траккенѣ, бывшемъ личномъ заводѣ Вильгельма. Въ виду отступленія они были вызваны оттуда и съ минуту на минуту ожидались въ Вержболовѣ. М. и кн. Г. послѣ многократныхъ неудачныхъ попытокъ пробраться въ Маркграбово, рѣшились на послѣднюю отчаянную попытку въ эту же ночь, кружнымъ путемъ черезъ Сувалки, добраться до мѣстъ своихъ назначеній.

Въ три часа утра мы, наконецъ, разошлись. Нѣсколько часовъ безпокойнаго сна, ежеминутно прерываемаго доносившимися до насъ шумами и отрывками фразъ въ родѣ: «путь на Петроградъ уже отрѣзанъ», не принесли намъ отдыха, и утромъ мы снова очутились на вокзалѣ, гдѣ, несмотря на отходъ послѣднихъ пассажирскихъ поѣздовъ, еще массами кишѣла публика. Съ подходомъ новыхъ отступающихъ частей военныхъ все прибавлялось, а надъ Вержболовомъ уже рѣялъ, какъ хищная птица, нѣмецкій таубе, то поднимаясь въ вышину, то спускаясь и бросая бомбы. Цѣль его, повидимому, была разрушить станцію и полотно желѣзной дороги. Кто не видѣлъ того, что въ этихъ случаяхъ

дѣлается съ солдатами вообще и публикой въ частности, не можетъ представить себѣ этой картины. Каждый начинаетъ изступленно стрѣлять изъ чего попало—изъ винтовокъ, револьверовъ и т. п. Въ большинствѣ случаевъ эти выстрѣлы не достигаютъ цѣли и только угрожаютъ жизни окружающихъ. Лазареты: французскій, самарскій и эвакуаціонный пунктъ стояли, свернувшись, готовые погрузиться, но вагоны имъ дали лишь послѣ неоднократныхъ настойчивыхъ требованій уполномоченныхъ Б. и Л., которые всю ночь провели на ногахъ въ хлопотахъ объ отрядахъ. Къ тремъ часамъ французскій лазаретъ, а также Московскій и Рижскіе автомобильные отряды погрузились и должны были отойти. Въ это время къ Вержболову подошла тяжелая артиллерія. Для нея вагоновъ уже не оказалось. Не могло быть выбора между необходимостью эвакуаціи артиллеріи и Краснаго Креста—послѣдніе уступили свои вагоны.

Станціонная администрація проявила въ этотъ день свою полную несостоятельность. Еще наканунѣ, когда шла спѣшная эвакуація изъ Сталупенена, комендантъ станціи задерживалъ часами поѣзда у стрѣлки. М., ѣхавшій съ послѣднимъ санитарнымъ поѣздомъ (тоже задержаннымъ у семафора) и выведенный изъ терпѣнія, пѣшкомъ дошелъ до станціи, гдѣ нашелъ коменданта спящимъ и на вопросъ:—почему задержанъ—получилъ отвѣтъ:—«ни о какой эвакуаціи мнѣ неизвѣстно».

Не менѣе странно было и поведеніе ревизора движенія, пріѣхавшаго наканунѣ, который 28-го на требованіе Б. дать вагоны, рѣзко спросилъ его:—«кто Вы тутъ такой, чтобы имѣть право что либо требовать». Нашему отряду съ утра былъ данъ приказъ уходить въ Ковно и тамъ, не разворачиваясь, ждать «дальнѣйшихъ распоряженій Б.» Намъ же двумъ онъ предложилъ остаться временно въ вагонѣ съ хирургомъ и еще нѣсколькими сестрами, съ тѣмъ, чтобы, идя послѣдними, работать при отступленіи. Дойдя до Ковны мы должны были снова соединиться съ своимъ отрядомъ. Мы сразу ухватились за эту мысль, предвидя много серьезной и отвѣтственной работы. Среди артиллеристовъ оказался чрезвычайно симпатичный офицеръ, нашъ знакомый по Сталупенену. Встрѣтивъ насъ на вокзалѣ, онъ предлагалъ и даже уговаривалъ насъ ѣхать на платформѣ съ его пушками, предупреждая насъ, что если мы останемся, то попадемъ въ плѣнъ. Мы были еще такъ далеки отъ этой мысли, что рѣшительно отклонили его предложеніе. Послѣ недолгаго колебанія рѣшились уѣхать съ этимъ поѣздомъ наша старшая сестра и два уполномоченныхъ. Поѣздъ отходилъ почти тотчасъ же. Начались безпорядочные сборы «иму-

щества пункта», разбросаннаго по всѣмъ платформамъ. Вдругъ раздался свистокъ, и кто-то пробѣжалъ, крича: «скорѣе садитесь», всѣ кинулись. Старшая сестра съ уполномоченными Д. и А. оказались въ поѣздѣ, который медленно двинулся. Все остальное имущество, включая корову и лошадь, осталось на платформѣ въ живописномъ безпорядкѣ. Но этимъ еще все не ограничилось. Поѣздъ не отошелъ и нѣсколькихъ шаговъ, какъ великолѣпный колли, подцѣпленный гдѣ-то А. въ этотъ день, соскочила на ходу, и А., недолго думая, послѣдовалъ его примѣру, воскликнувъ: «ну вотъ и я остался съ Вами».

Старшая сестра, кивая издали, кричала намъ: «поручаю Вамъ оставшееся имущество».

Тѣмъ временемъ Московскій и Рижскій автомобильные отряды вторично погрузились. Подъ воинскія же части не хватало вагоновъ; отрядамъ велѣно было снова разгрузиться. Только рѣшительное вмѣшательство Б. разрѣшило конфликтъ: отряды уѣхали въ одномъ поѣздѣ съ артиллеріей.

Шелъ пятый часъ дня,—все, что могло уйти, ушло, а новыхъ вагоновъ не давали, все время обѣщая, что они будутъ «черезъ часъ». Ничего не оставалось дѣлать, какъ сидѣть и ждать. Мы усѣлись на заборѣ, какъ разъ противъ станціи и около шоссе, ведущаго изъ Восточ. Пруссіи на Вильковишки. По этому шоссе съ утра проходили отступающія части N-го корпуса. А на вокзалѣ царило все то же томительное ожиданіе вагоновъ. Б. бился, какъ рыба объ ледъ, стараясь добиться чего-нибудь отъ станціонной администраціи, грозилъ, приказывалъ, умолялъ—все безуспѣшно, отвѣтъ былъ все тотъ же: «вагоны ждемъ». Его усталая и какъ-то за этотъ день сгорбившаяся фигура появлялась то тутъ, то тамъ, осаждаемая со всѣхъ сторонъ какъ крупными, такъ и мелкими заботами.

Князь же Л., разыскавъ какія-то одиночныя платформы, самъ ихъ сцѣплялъ и самъ же грузилъ Краснокрестные моторы. Было почти совсѣмъ темно, когда къ ряду пожаровъ, сопровождавшихъ линію отступленія нашихъ войскъ, прибавились вдругъ загорѣвшіеся около самой станціи два стога сѣна. С., проходившій мимо насъ, обратилъ наше вниманіе на нихъ, говоря, что это очень похоже на сигнализацію непріятеля. По направленію къ Вильковишкамъ, т. е. какъ бы пересѣкая полотно, уже появилось большое зарево. Распространился слухъ, что мы отрѣзаны. Кн. Л. тщетно старался успокоить публику. Станцію понемногу охватывала паника. Проходившіе офицеры съ удивленіемъ спрашивали насъ, почему мы еще тутъ, почему не бѣжимъ верхомъ

или пѣшкомъ, такъ какъ непріятель совсѣмъ близко. Но куда бѣжать— снѣгъ послѣ 4-дневныхъ заносовъ выше головы, и никто не знаетъ навѣрное, какое направленіе безопасно, такъ какъ пожары уже охватывали насъ кольцомъ. Только впослѣдствіи мы сообразили, какъ благоразумно поступили, оставшись. Изъ бѣжавшихъ въ послѣднія минуты только немногимъ удалось прорваться, остальные же, захваченные нѣмецкими разъѣздами въ полѣ, были убиты. Около 8 часовъ изъ Ковны подошли наконецъ пустые вагоны, и снова началась лихорадочная погрузка лазаретовъ. Послѣдняя уже почти заканчивалась, когда Б., случайно встрѣтивъ насъ на станціи, отвелъ насъ въ сторону и сказалъ: «je crois que nous sommes fichus». Какъ ни тревожно было на душѣ, но показывать этого не хотѣлось, и мы бодро отвѣтили: «Fichus, такъ fichus». Лазареты погрузились, всѣ сидѣли въ вагонахъ, но съ отъѣздомъ почему-то все медлили. Мы выскочили изъ поѣзда и побѣжали на вокзалъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Тамъ мы застали полную пустыню. Случайно открывъ дверь въ залъ 1-го класса, мы увидѣли такую картину: масса мѣстныхъ женщинъ съ маленькими дѣтьми, которымъ не удалось уѣхать, забились сюда въ паникѣ, ожидая своей участи. Стоялъ всеобщій плачъ и рыданіе. Мы поспѣшили далѣе и въ дежурной комнатѣ наткнулись на трехъ блѣдныхъ испуганныхъ людей. Одинъ говорилъ по телефону, мы уловили только послѣднія слова: «черезъ часъ мы будемъ въ Вильковишкахъ». Мы бросились назадъ къ поѣзду, думая, что слышанное относится и къ намъ всѣмъ (впослѣдствіи, увы, оказалось, что эти три человѣка заботились исключительно о себѣ; въ послѣднюю минуту они отцѣпили паровозъ у санитарнаго поѣзда и на немъ прорвались въ Вильковишки, бросивъ лазареты съ ранеными на произволъ судьбы).

Добѣжавъ до своего вагона, мы встрѣтили торопящагося намъ навстрѣчу Б.: «Слава Богу»,—сказалъ онъ,—«мы двигаемся, я такъ испугался, что Васъ нѣтъ». Мы только успѣли войти въ вагонъ, какъ мимо нашихъ оконъ медленно прошелъ освѣщенный санитарный поѣздъ со всѣми лазаретами и ранеными.—«Хоть они спасутся»—былъ общій возгласъ. Прошло минуты двѣ-три, двинулись и мы. Точно камень свалился съ души послѣ этого долгаго томительнаго ожиданія отъѣзда. Воскресла надежда спастись, и кошмаръ попасть въ плѣнъ, который былъ такъ близокъ, казалось, разсѣялся. Мы вынули часы— было 25 минутъ одиннадцатаго,—начали даже гадать, когда можемъ попасть въ Вильковишки. Не прошли мы и нѣсколькихъ саженъ, какъ поѣздъ съ сильнымъ толчкомъ остановился. Въ темнотѣ около насъ

что-то происходило. Мы подошли къ двери. Къ вагону прижались нѣсколько нашихъ солдатъ. На вопросъ, почему мы остановились,—получили отвѣтъ: «нѣмцы отцѣпляютъ паровозъ».—Не вѣрилось. Дошли до передней части вагона—паровоза дѣйствительно не было. Еще секунда, онъ летѣлъ обратно мимо насъ, и на немъ мелькали каски. Сомнѣнія больше не было. Стало какъ то холодно и страшно—мы молча сѣли другъ противъ друга съ чувствомъ, что все пропало. Вдругъ близко щелкнулъ ружейный выстрѣлъ, за нимъ другой-третій—рядомъ со звономъ разсыпалось окно. «Ложитесь на полъ»—крикнулъ кто-то (вагонъ былъ Владикавказской дор. бронированный до оконъ). При первомъ выстрѣлѣ кн. Л. вскочилъ во весь ростъ. Его съ трудомъ убѣдили снова лечь на диванъ. Слѣдующія 10 минутъ, кромѣ щелканья выстрѣловъ, ничего не было слышно. Мы попали подъ перекрестный огонь: наши отставшіе солдаты въ темнотѣ стрѣляли по нѣмцамъ, отвѣчавшимъ тѣмъ же. Выстрѣлы замолкли—мы продолжали лежать, ожидая новыхъ, когда вползъ санитаръ Михаилъ (человѣкъ кн. Л.) и обратился къ нему: «Ваше Сіятельство, надѣньте пальто, отъ пуль все таки лучше» и, не получивъ отвѣта, продолжалъ въ своей преданной наивности: «Ваше Сіятельство, Ихъ Сіятельство приказали Вамъ напомнить, если попадете въ плѣнъ, написать кн. Гагариной въ Баденъ». Вагонъ нашъ представлялъ въ эту минуту необыкновенное зрѣлище: весь корридоръ и все купэ были усѣяны лежащими плашмя, неизвѣстно откуда взявшимися, солдатами, нашими санитарами и старымъ проводникомъ, который неожиданно заявилъ: «я въ паникѣ не даромъ, я видѣлъ сегодня во снѣ своего отца—всегда къ несчастью». Кто-то простоналъ: «Господи, что-то съ нами будетъ».—Вдругъ въ сосѣднемъ вагонѣ раздались дикіе крики. Мы съ ужасомъ прислушивались, когда вползъ испуганный солдатъ, шепча: «а рядомъ уже прирѣзываютъ»—надо сознаться, что это была одна изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ.—Быть зарѣзаннымъ—это слишкомъ ужасно. Санитары почему-то кинулись тушить огни, но ихъ остановилъ рѣшительный окрикъ уполномоченныхъ: «Мы Красный Крестъ и намъ нечего скрываться». Этотъ окрикъ вернулъ самообладаніе, возникло даже сомнѣніе въ правдоподобности прирѣзыванія, и дѣйствительно оказалось, что это было простой паникой—никого нигдѣ не прирѣзывали. Мы все еще молча сидѣли и ждали своей участи. Постепенно всѣ оживали. Уполномоченные начали рвать и жечь бумаги и письма, чтобы они не попали въ руки нѣмцевъ. Посовѣтовавшись, рѣшили устроить «обозы перваго и второго разряда», т. е. отдѣ-

лить въ портативные мѣшки все самое необходимое. Мы были увѣрены, что нѣмцы сразу же отправятъ насъ пѣшкомъ куда-нибудь внутрь Германіи, и мы этотъ «обозъ 1-го разряда» хотѣли нести на спинѣ. Вылили, какъ мѣру предосторожности, 2—3 бутылки вина, которыя у насъ были и, надѣвъ шубы и высокіе сапоги, продолжали ждать. Постепенно расхрабрились настолько, что начали выглядывать изъ окна. Впереди на путяхъ стоялъ санитарный поѣздъ безъ паровозовъ, и вокругъ него двигались какія-то тѣни. Мимо насъ также прошли какія-то темныя фигуры. Повидимому, замѣтивъ насъ у окна, они вдругъ стали на одно колѣно, заряжая ружья. Мы, уже наученные горькимъ опытомъ, сѣли на полъ, но выстрѣловъ не послѣдовало. Время шло; къ намъ никто не входилъ, хотя вагонъ былъ ярко освѣщенъ. Больше полночи прошло въ этомъ напряженнномъ ожиданіи. Изрѣдка санитары, прислушавшись, говорили: «идутъ». Мы приготовлялись къ худшему, и опять никто не входилъ. Наконецъ, природа взяла свое: санитары заснули, какъ мертвые, гдѣ кто былъ.

Мы же бодрствовали, переживая ужасныя минуты. Происходило то, что нѣмцы потомъ описывали въ газетахъ, какъ «Der Sturm von Wirballen».

Въ мѣстечкѣ Вержболовѣ, на узкихъ улицахъ, въ 2-хъ верстахъ отъ станціи застряла наша батарея. Нѣмцы, повидимому, предположили тамъ большія силы, и устроили по ней море огня. Здѣсь была и ихъ артиллерія, и пулеметы, и ракеты—это былъ сплошной огонь, сплошные взрывы, доходившіе почти до насъ. Все это продолжалось часа три-четыре, во время которыхъ мы безпомощно бродили по вагону, то съ намѣреніемъ разбудить остальныхъ, то, жалѣя ихъ, возвращались къ себѣ. Съ какой радостью мы привѣтствовали первый чуть брезжущій свѣтъ сѣренькаго зимняго дня. Всѣ уже снова были на ногахъ и рѣшили по возможности присоединиться къ остальнымъ и вообще узнать, что случилось съ лазаретами. Въ увѣренности, что мы больше уже въ вагонъ не вернемся, мы слегка закусили и, взваливъ свой обозъ «1-го разряда», на спину, всѣ вмѣстѣ пошли на станцію. При выходѣ изъ вагона мы наткнулись на трупъ убитаго, впослѣдствіи оказавшагося тифознымъ больнымъ изъ санитарнаго поѣзда, погибшимъ при перестрѣлкѣ.

За эту ночь граница переѣхала черезъ насъ, мы оказались на нѣмецкихъ передовыхъ позиціяхъ, и это было весьма ощутительно. Черезъ Вержболово шли массами нѣмецкія войска. Проталкиваясь между солдатами, мы дошли до вокзала и обратились къ высокому офицеру въ

бѣлой шубѣ, который принималъ и считалъ горы русскихъ винтовокъ. Онъ оказался комендантомъ станціи. Когда Б. и кн. Л. представились ему, какъ уполномоченные Кр. Креста и просили указать имъ мѣстонахожденіе лазаретовъ, онъ вѣжливо, но твердо, велѣлъ намъ всѣмъ вернуться въ вагонъ и оттуда не двигаться до дальнѣйшихъ приказаній. На обратномъ пути въ вагонъ мы встрѣтили 2-хъ нашихъ докторовъ, которые разсказали намъ, какъ былъ захваченъ санитарный поѣздъ. Вскорѣ послѣ отцѣпки ихъ паровозовъ, къ нимъ вошли нѣмцы съ криками «Hände hoch» и велѣли всѣмъ выйти изъ поѣзда. Вышли и легко больные и санитарный персоналъ; ихъ погнали къ станціи. Въ это время оттуда наши отставшіе солдаты стали стрѣлять—тогда нѣмцы, выставивъ врачей передъ собой въ видѣ щита, начали черезъ ихъ головы отвѣчать. При этой перестрѣлкѣ и былъ убитъ тифозный больной. На станціи ихъ всѣхъ заперли наверху, приставивъ стражу. На утро же всѣхъ обратно вернули въ поѣздъ.

Пока мы разговаривали, къ намъ снова подошелъ комендантъ и, сказавъ, что въ двухъ верстахъ впереди на путяхъ лежатъ раненые нѣмцы и русскіе, потребовалъ, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ докторовъ поѣхалъ на паровозѣ перевязать и привезти ихъ. Мы двѣ предложили свои услуги, но онъ заявилъ, что сестеръ не пуститъ, такъ какъ это мѣсто можетъ быть подъ обстрѣломъ. Къ намъ начали подходить нѣмецкіе офицеры, не скрывая своего любопытства. Стараясь избѣгать разговоровъ, мы пробирались къ своему вагону. Тутъ насъ остановилъ маленькій коренастый маіоръ. Схвативъ сѣрую муфту одной изъ насъ, онъ нахально заявилъ: «das will ich haben» и, получивъ такой-же опредѣленный отвѣтъ: «nein, das gebe ich nicht ab», сразу же сдалъ и милостиво разрѣшилъ: «die Dame kann es schon behalten». Послѣ этого онъ такъ же неожиданно пришелъ въ страшную ярость по поводу «русскихъ грабежей», назвавъ насъ всѣхъ «verfluchte Halunken». Маіоръ оралъ, попрекая насъ каждымъ разоренньмъ домомъ Восточной Пруссіи, потомъ вторично смягчился и закончилъ: «Впрочемъ, тактически это было великолѣпно, потому что страшно затруднило наше наступленіе—но это азіатская манера вести войну». Двигаясь дальше, мы прошли мимо вагона Экономическаго общества, гдѣ начинался форменный грабежъ. Нѣмцы растаскивали все, что могли. Намъ очень хотѣлось пить, мы подошли къ вагону и попросили бутылку сельтерской. Одинъ солдатъ отвѣтилъ дерзко, что если намъ хочется пить, то мы можемъ взять снѣгу, другой-же, смѣясь, протянулъ намъ 2 бутылки. Проходя снова мимо трупа, князь Л. рѣшилъ, что оста-

вить его такъ нельзя, и обратился за разрѣшеніемъ похоронить его къ близъ стоящему нѣмецкому офицеру. Офицеръ этотъ безукоризненно говорилъ по-французски, сразу проявилъ къ намъ большое участіе и разрѣшилъ похоронить убитаго тутъ же, между шпалъ, къ чему и приступилъ лично князь и наши санитары.

Офицеръ вслѣдъ за нами вошелъ въ нашъ вагонъ. Извиняясь за безпокойство, онъ просилъ разрѣшенія вымыть у насъ руки. Послѣ чего подсѣлъ къ намъ. Разговорившись, мы узнали, что онъ эльзасецъ и человѣкъ совсѣмъ не военный—профессоръ санскритскаго языка въ какомъ-то университетѣ. Онъ нѣсколько разъ подчеркивалъ свое искреннее сожалѣніе по поводу случившагося съ нами. Всякихъ военныхъ темъ онъ избѣгалъ, щадя насъ и говоря: «We wont talk shop». Думая развлечь насъ, онъ даже прочелъ намъ цѣлую лекцію о санскритскомъ языкѣ, начавъ очень издалека—за 8000 лѣтъ до Р. Х. Можно себѣ представить, какъ это было своевременно. Мы только впослѣдствіи оцѣнили комическую сторону этого эпизода. Уходя, онъ взялъ у насъ письма домой, обѣщавъ ихъ доставить черезъ Данію. Черезъ часъ онъ со своей ротой уже дефилировалъ мимо нашихъ оконъ по направленію къ Россіи. По шоссе и черезъ станцію шла нѣмецкая кавалерія и пѣхота. Кавалерія на великолѣпныхъ бельгійскихъ лошадяхъ, пѣхота, изнемогающая отъ огромныхъ послѣднихъ переходовъ. Дисциплина соблюдалась желѣзная; нѣсколько минутъ отдыха, во время которыхъ солдаты бросались плашмя на снѣгъ. Офицеръ кричалъ: «vorwärts», всѣ вскакивали и въ полномъ порядкѣ шли дальше. Одинъ солдатъ подошелъ къ намъ, съ любопытствомъ спрашивая насъ, кто мы, и въ свою очередь намъ разсказалъ, что солдаты два дня ничего не ѣли, дѣлая переходы въ 58 километровъ въ день. Съ напускною бодростью онъ тутъ же прибавилъ, что для нѣмецкаго солдата все это ни по чемъ. Впрочемъ, черезъ минуту онъ началъ самъ себѣ противорѣчить—разсказалъ намъ подробно всю свою біографію и закончилъ тѣмъ, что война ему страшно надоѣла «dies Krieg ist überhaupt blodsinn». На нашъ вопросъ, почему же нѣмцы затѣяли войну, онъ сталъ доказывать, что Германія войны не хотѣла—всему виной Англія, главнымъ образомъ Эдуардъ VII, который началъ систему изолированія Германіи, окруживъ ее кольцомъ враговъ. Когда мы полюбопытствовали, не холодно ли ему въ каскѣ, и констатировали, какъ это должно быть неудобно, онъ вполнѣ согласился, сказавъ, что это одна изъ многихъ глупостей, «quatsch», которыми полна нѣмецкая жизнь. Простился онъ съ нами очень дружелюбно, протя-

нувъ намъ грязную лапу и выразивъ надежду, что война скоро кончится, «ибо всѣ объ этомъ мечтаютъ: и вы, и мы».

Отъ него мы узнали, что войска, проходившія черезъ Вержболово, были большею частью переведены съ французской границы. Это были баварскія и ганноверскія части; этимъ мы потомъ объяснили ихъ скорѣе корректное къ намъ отношеніе, такъ какъ съ появленіемъ пруссаковъ картина рѣзко измѣнилась. Кромѣ того прошли совершенно свѣжія, вновь сформированныя части и нѣкоторые гвардейскіе полки. Все это шло три дня и двѣ ночи непрерывною цѣпью. Посерединѣ шоссе летѣла артиллерія, причемъ орудія были установлены на лыжахъ; по бокамъ крупной рысью шла кавалерія. За кавалеріею и артиллеріею слѣдовали безконечные обозы, среди которыхъ мы увидали захваченныя наши полевыя кухни (очень оцѣненныя нѣмцами). Это шествіе закончилось цѣлымъ войскомъ рослыхъ санитаровъ, вооруженныхъ огромными ножами. Видъ ихъ былъ скорѣй разбойничій, чѣмъ Кр. Крестный. Непрерывный гулъ этого передвиженія и днемъ и ночью стоялъ въ ушахъ, дѣйствуя удручающе. Оторванныя отъ своихъ, мы рѣшительно ничего не знали о происходящемъ, а нѣмцы пользовались каждымъ случаемъ, чтобы надъ нами поглумиться и постараться запугать, преувеличивая свои успѣхи.

Такъ, въ тотъ же день одинъ солдатъ, проходя мимо насъ, сказалъ фразу, которую потомъ такъ часто приходилось слышать: «Russland ist fertig—nicht wahr?» Рѣшивъ поддержать видимую бодрость передъ непріятелемъ, мы громко осмѣяли всѣ его выпады, вродѣ того, что Варшава взята, что плѣнныхъ больше 120.000 и «колоссъ на глиняныхъ ногахъ» (такъ назвалъ онъ Россію) скоро рухнетъ. Когда Б. ему сказалъ, что 100 лѣтъ тому назадъ Наполеонъ дошелъ до Москвы и «Russland war nicht fertig», онъ горячо отвѣтилъ: «aber Napoleon war dumm» съ такимъ видомъ, что гдѣ какому-то Наполеону сравняться съ прусскимъ солдатомъ. Когда же мы его попрекнули варварскимъ обращеніемъ нѣмцевъ съ Бельгіей, онъ хладнокровно отвѣтилъ: «Бельгія, несомнѣнно, намъ благодарна, что мы ее захватили въ свои руки».

Къ 5 часамъ дня вокругъ нашего вагона, постепенно развиваясь, шла настоящая оргія грабежа. Здѣсь стояли интендантскіе вагоны, наполненные полушубками, сапогами, валенками и бѣльемъ; послѣднее нѣмцевъ не прельщало, зато теплыя вещи буквально разрывались на куски. Солдаты, офицеры и даже генералы, толкая другъ друга, дрались, вырывая изъ рукъ вещи. Тутъ же появилось нѣсколько жен-

щинъ съ хищническимъ видомъ; въ рукахъ ихъ были большіе мѣшки. Солдаты ихъ грубо отталкивали, но изрѣдка имъ перепадала какая-нибудь вещь, и тутъ же раздавались грубыя шутки и громкій хохотъ. Нашъ вагонъ стоялъ какъ разъ въ центрѣ этой разошедшейся толпы. Каждую секунду какой-нибудь солдатъ врывался къ намъ, ища добычи или требуя ѣды, но мы отстаивали свое;—нужно сознаться, что съ нами солдаты были необыкновенно корректны—достаточно было намъ указать на свои Красные Кресты, какъ они, извиняясь, уходили, даже положивъ обратно взятое.

Зато отъ интендантскихъ и другихъ вагоновъ съ припасами ничего не осталось. Вообще, Вержболово къ вечеру представляло картину совершеннѣйшаго разоренія, на которую мы уныло смотрѣли изъ окна.

Уже смеркалось, когда къ намъ въ вагонъ вошла комическая фигура—высокій офицеръ въ формѣ гусара смерти. Его собственная голова сильно напоминала мертвую голову, а огромный бобровый воротникъ, узкая талія, широкія фалды и монокль въ глазу подчеркивали комизмъ его наружности. «Dieu, quel luxe»—услышали мы. Въ смыслѣ luxe'а вагонъ былъ просто I-го класса. Не получивъ отвѣта, онъ продолжалъ, коверкая французскій языкъ:—«Est-ce qu'il y a quelqu'un qui parle français ici?—«Mais oui—отвѣтилъ Б. «Alors on pourra s'entendre»—сказалъ онъ и изложилъ цѣль своего посѣщенія. Въ Вержболово только-что прибылъ штабъ генерала Лауенштейна, командира 37-го корпуса, вошедшій въ Россію съ передовыми частями наступающихъ нѣмецкихъ войскъ. Такъ какъ нѣмцы привели Вержболово въ такой видъ, что помѣщаться было негдѣ, Лауенштейнъ предполагалъ остановиться со своимъ штабомъ въ вагонѣ уполномоченныхъ. Замѣтивъ насъ, офицеръ тихо спросилъ Б.: «Qui sont ces dames?» Б. отвѣтилъ: «Ces dames sont des soeurs de charité de la Croix Rouge».—«Elles sont de la bonne societé, n'est-ce pas?»—«De la meilleure»—былъ отвѣтъ. Тогда онъ подошелъ къ намъ, извиваясь, расшаркиваясь и смѣшно подмигивая свободнымъ отъ монокля глазомъ.—«Нѣмцы всегда галантны съ дамами»—заявилъ онъ, и потому штабъ Лауенштейна, удаливъ только мужчинъ, предлагаетъ вамъ остаться въ нашемъ купэ, «nous passerons une charmante soirée ensemble»! Увидавъ, что «charmante soirée ensemble» насъ нисколько не прельщаетъ, даже скорѣе пугаетъ, онъ продолжалъ настаивать, съ паѳосомъ восклицая «est-ce que vous croyez que nous sommes des barbares». Но мы рѣшительно отклонили это предложеніе. Вслѣдъ за этимъ гусаромъ

вошелъ къ намъ уланъ также изъ штаба Лауенштейна, великолѣпно говорящій по-русски (выяснилось, что онъ 18 лѣтъ прожилъ въ Петроградѣ «по коммерческимъ дѣламъ»). Ему было указано насъ перевести въ вагонъ 2 класса, стоящій тутъ же. Мы нашли въ немъ полнѣйшій разгромъ; нѣмцы и здѣсь успѣли похозяйничать. Стоило огромнаго труда вычистить 3 купэ. Въ вагонѣ оказалась масса награбленнаго добра, а въ одномъ купэ даже шрапнель и нѣмецкія пики, отъ которыхъ мы поспѣшили отдѣлаться, приказавъ санитарамъ зарыть ихъ въ снѣгъ. Остальныя же вещи запихали въ 2 купэ, прикрывъ ихъ. Не успѣли мы расположиться, какъ пришелъ тотъ же уланъ, обшарилъ весь вагонъ и, найдя нѣсколько лампъ, унесъ ихъ, кромѣ одной, которую мы успѣли припрятать. Вслѣдъ за нимъ явился посланный отъ штаба, съ приказаніемъ приготовить на 40 человѣкъ ужинъ. Мы искренно возмутились и, не желая кормить нѣмцевъ, послали сказать, что у насъ никакой ѣды нѣтъ. Подождавъ немного и, видя, что никто больше не приходитъ, мы расположились пить чай. Снова вошла «мертвая голова» (какъ мы его уже назвали). Увидѣвъ чай и сдѣлавъ необыкновенный антраша въ нашу сторону, онъ скользнулъ къ самовару и велѣлъ слѣдовавшему за нимъ солдату позвать остальныхъ офицеровъ. Черезъ минуту они всѣ съ шумомъ и хохотомъ ворвались къ намъ, стали сами распоряжаться нашимъ чаемъ—даже угощали насъ. Мы же сидѣли противъ нихъ, еле отвѣчая на ихъ вопросы и злобно на нихъ глядя, что ихъ впрочемъ совершенно не смущало. Всѣ съ жадностью набрасывались на чай, говоря, что они послѣдніе дни испытывали большія лишенія, не ѣли и не спали, для того, чтобы захватить русскихъ врасплохъ. Не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, они ликовали по поводу того, что имъ это удалось; при этомъ насмѣшливо спрашивали насъ: «вѣдь Вы насъ такъ скоро не ожидали, неправда-ли». Мы, конечно, отвѣчали, что всѣ ихъ передвиженія были намъ извѣстны, что наши войска въ порядкѣ отступили, а мы лично остались изъ-за раненыхъ, и на томъ основаніи, что Красный Крестъ плѣну не подлежитъ. Переглянувшись, они послѣднее подтвердили, причемъ мертвая голова съ той же театральностью не преминулъ повторить: «Est-ce que vous croyer que nous sommes de barbares?» Но тутъ же находящійся среди нихъ маленькій юркій офицеръ съ умнымъ лицомъ зашепталъ по-нѣмецки (весь разговоръ происходилъ по-французски и по-русски): «этихъ офицеровъ»,—указывая на Б. и кн. Л.,—«навѣрное задержатъ». Кто-то выразилъ сомнѣніе въ томъ, что они офицеры, и Hammerstadt (такъ звали улана) обратился къ уполно-

моченнымъ:—«вѣдь, неправда-ли, Вы—офицеры». На категорическій отвѣтъ, что они штатскіе, маленькій артиллеристъ снова ввязался въ разговоръ, указывая на погоны и ордена. Пришлось ему доказывать, что погоны штатскіе (предводителя дворянства и придворные), также какъ и ордена (Владиміръ). Маленькій офицеръ все-таки остался при своемъ мнѣніи и, повидимому, съ восторгомъ тутъ же бы ихъ арестовалъ, если бы имѣлъ возможность. Впослѣдствіи мы узнали, что почти вся организація нѣмецкаго Краснаго Креста военная, чѣмъ и объяснялось ихъ недовѣріе. Штатскія части только пополняютъ военныя и вполнѣ подвѣдомственны имъ. «Безсмертный гусаръ» оставался вѣренъ себѣ и продолжалъ хамить: ощупывая одежду Б. и кн. Л. онъ восторгался ея качествомъ и тутъ же показывалъ всѣмъ дыры на собственныхъ штанахъ. Онъ вспомнилъ, что во время перваго наступленія въ Вержболово стащилъ гдѣ-то пару русскихъ сапогъ и замѣтилъ, что носилъ ихъ гораздо дольше нѣмецкихъ. Русскимъ чаемъ они остались очень довольны, и уланъ рисовалъ имъ радостныя перспективы того, какъ много еще предстоитъ имъ выпить его въ Россіи, всегда съ лимономъ и вареньемъ. Желая въ свою очередь сказать имъ что-нибудь непріятное, мы указали на видѣнный нами грабежъ съ участіемъ офицеровъ. Послѣднее они обошли молчаніемъ, отвѣтивъ: «nos pauvres soldats—on n'avait pas le droit de les arreter; ils ont passé par tant de privations ces derniers jours». А какой-то мрачный генералъ, сидѣвшій до сихъ поръ молча въ углу, вдругъ выпалилъ «c'est la vie». Намъ потомъ пришлось убѣдиться, что эти двѣ, часто употребляемыя нѣмцами въ эту войну сентенціи: «C'est la vie» и c'est la guerre»—многое извиняютъ въ ихъ глазахъ (когда относится къ нимъ).

Уходя отъ насъ, офицеръ штаба сказалъ намъ, что къ намъ посадятъ на ночь 3 солдатъ, подъ предлогомъ, что имъ негдѣ погрѣться. Принимая во вниманіе, что вагонъ не топился, весь день окна и двери были открыты, было около 10° мороза на дворѣ, и мы сами сидѣли въ шубахъ—намъ стало вполнѣ ясно, что мы и «наши офицеры» представляли нѣкоторую опасность для штаба Лауенштейна. Стража, впрочемъ, оказалась гораздо деликатнѣе самого штаба,—ночью передвигалась на цыпочкахъ, боясь нарушить нашъ покой, и рано утромъ незамѣтно испарилась вмѣстѣ съ штабомъ. Мы же получили оффиціальную записку слѣдующаго содержанія: «Ich habe beantragt, dass Sie frei gelassen sein sollen», подписана была: «генералъ-лейтенантъ Лауенштейнъ, командиръ 37 корпуса». Этотъ историческій документъ вселилъ въ насъ

надежду на скорое освобожденіе, которое оказалось весьма не скорымъ и нелегкимъ. Впрочемъ онъ помогъ намъ избѣжать много мелкихъ непріятностей, напр., въ послѣдующіе дни почти всѣ прусскіе офицеры хотѣли выселить насъ изъ нашего вагона, грубо крича, что не мѣсто русскимъ плѣннымъ въ такомъ замѣчательномъ вагонѣ. При видѣ записки за личной подписью Лауенштейна, они сразу же мѣняли тонъ и оставляли насъ въ покоѣ. Впослѣдствіи записка была у насъ украдена въ Инстербургѣ.

Общее число персонала, попавшаго въ плѣнъ, включая санитаровъ, достигало 132 человѣкъ. Съ первыхъ же дней врачи и сестры распредѣлили между собой работу. Пользуясь оставшимися при поѣздѣ перевязочными средствами и кое-какими лекарствами, мы оказывали посильную помощь. Ежедневно къ намъ подвозили не только нашихъ, но и нѣмецкихъ раненыхъ, такъ какъ у нѣмцевъ во все это первое время не было не только лазаретовъ, но и передовыхъ перевязочныхъ пунктовъ. Приблизительно дней черезъ 5 появился первый передовой пунктъ въ Эйдкуненѣ, и нѣмецкій врачъ пригласилъ нѣсколько русскихъ врачей къ себѣ на помощь. Возвратившись, они намъ разсказывали, что пунктъ произвелъ на нихъ отвратительное впечатлѣніе—грязь, тѣснота помѣщенія и скудность перевязочнаго матеріала говорили далеко не въ пользу хваленой нѣмецкой аккуратности, чистоты и благоустройства. Всѣ проводили параллель съ дѣятельностью нашихъ передовыхъ отрядовъ Краснаго Креста, которые идутъ вслѣдъ за войсками, быстро разворачиваются, гдѣ нужно, и не терпятъ ни въ чемъ недостатка.

То же неустройство наблюдали мы сами позднѣе, когда, зайдя случайно на нѣмецкій пунктъ, мы застали слѣдующую картину: масса раненыхъ, большею частью съ отмороженными ногами, и полное отсутствіе даже самыхъ обыденныхъ средствъ, вродѣ вазелина. Экономія матеріала была доведена до крайности и въ ущербъ достаточному прикрытію раны.

Условія, въ которыя былъ поставленъ нашъ санитарный поѣздъ, были отвратительны, особенно въ виду скученности его населенія. Площадь была загрязнена и воздухъ зараженъ; только послѣ неоднократныхъ требованій со стороны нашихъ врачей, подъ вагоны были подставлены переносные ящики. Въ водѣ ощущался большой недостатокъ. При всемъ этомъ нѣмцы тщательно себя оберегали, изолируя насъ, и окружили поѣздъ проволокой, за которую запрещено было выходить. Кормить санитарный поѣздъ начали лишь на третій день;

давали супъ изъ консервовъ, большею частью недоброкачественныхъ, а вечеромъ кашу съ саломъ.

Изъ врачебнаго персонала, попавшаго съ нами въ плѣнъ, большая часть держала себя спокойно и съ большимъ достоинствомъ; часть же предавалась паникѣ и нашимъ уполномоченнымъ стоило невѣроятныхъ трудовъ всѣхъ успокаивать и держать въ порядкѣ.

Нѣкоторые изъ врачей въ самыя тяжелыя минуты сохраняли бодрость духа, такъ, напр., уже порядочно проголодавшись и узнавъ, что нѣмцы отказываются выдать и то малое количество, которое полагалось, одинъ французскій врачъ, захваченный съ нами, спокойно заявилъ: «что-же, увидимъ, кто изъ насъ болѣе живучъ, французы или русскіе».

Нужно прибавить, что сохраненіе собственнаго достоинства очень дѣйствовало на нѣмцевъ. Они были гораздо грубѣе съ тѣми, которые поддавались ихъ запугиванію, и та же грубость сдавала, сталкиваясь съ хладнокровіемъ.

Въ Воскресеніе кн. Л. просилъ разрѣшенія у нѣмцевъ отслужить обѣдницу, такъ какъ съ французскимъ лазаретомъ былъ захваченъ и священникъ.

Обѣдница (даровъ не было) произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, многіе плакали, служили въ залѣ I класса, гдѣ до этого стояли лошади; пришлось очистить ее отъ кучъ навоза; воздухъ былъ ужасный; мы были окружены нѣмецкими жандармами, которымъ власти поручили слѣдить за тѣмъ, чтобы не было молитвъ, касающихся войны. Сестры и доктора сами пѣли. Подъ конецъ священникъ громко прочелъ молитву о побѣдѣ надъ врагомъ. Жандармы переполошились, но вмѣшаться не рѣшились, хотя еще слово, и они бы прекратили обѣдницу.

Сразу послѣ обѣдни хоронили офицера, тѣло котораго было найдено на вокзалѣ, въ цинковомъ гробу, и двухъ солдатъ, скончавшихся въ поѣздѣ.

На этотъ разъ хоронили въ палисадникѣ около самаго вокзала, въ этомъ палисадникѣ было похоронено потомъ еще нѣсколько человѣкъ.

Удручающее впечатлѣніе производили эти похороны, часто не знали даже именъ тѣхъ, кого хоронили, такъ какъ привезены они были нѣмцами тяжело ранеными безъ сознанія и безъ всякихъ документовъ. За неимѣніемъ гробовъ нашихъ бѣдныхъ солдатъ хоронили завернутыхъ въ простыни и закапывали въ землю, ставшую имъ теперь

*

чужой, подъ любопытными взглядами праздношатающихся враговъ.

Наша жизнь раздѣлялась между работой въ перевязочной поѣзда въ опредѣленные часы нашей смѣны и жизнью въ вагонѣ, въ которую продолжали настойчиво вторгаться всѣ проходившіе черезъ Вержболово высшіе и низшіе чины нѣмецкой арміи. Насколько мы отдыхали душой у себя, настолько было нестерпимо почти ежечасное появленіе нѣмцевъ. Нѣкоторые приходили нарочно для того, чтобы принципіально обругать русскихъ: такъ, пруссакъ, войдя къ намъ, грубо выразилъ свое возмущеніе по поводу нашего пребыванія въ этомъ вагонѣ; случайно же заглянувъ въ купэ съ награбленными вещами, онъ разразился потокомъ брани, яростно захлебываясь:

— Heraus, halt, Hallunken и т. п., и только во время упомянутая записка Лауенштейна снова спасла насъ отъ дальнѣйшихъ оскорбленій, другіе, входя, просто говорили: «nur gucken», разсматривая насъ, какъ дикихъ звѣрей, и всѣ вообще настойчиво просили ѣсть. Послѣ первыхъ трехъ дней остатки нашихъ припасовъ изсякли, оставалась лишь куча конфектъ, полученныхъ почти наканунѣ плѣна, которыми каждый входящій, не стѣсняясь, набивалъ карманы. Былъ также чай съ клюквеннымъ экстрактомъ, который мы пили каждые 2 часа, чтобы хоть какъ нибудь утолить голодъ. Санитарный поѣздъ уже кормили, а объ насъ никто не думалъ. Первый, кто постигъ наше бѣдственное положеніе, былъ нѣмецкій жандармъ. Ввалившись къ намъ съ добродушнымъ видомъ, онъ разсѣлся на диванъ и вступилъ съ нами въ безконечный разговоръ. Выяснилось, что онъ былъ 10 лѣтъ подрядъ поваромъ у русскаго священника въ Висбаденѣ, котораго мы близко знали. Какъ у всѣхъ нѣмецкихъ солдатъ, у него очень быстро на сцену появился портретъ его семьи. Онъ не скрылъ отъ насъ, что война нарушила его тихое семейное счастье на берегахъ любимаго Рейна и что его неудержимо тянетъ домой. Закончилъ онъ просьбой дать ему нашъ адресъ, такъ какъ онъ хочетъ прислать намъ видъ Рейна, чтобы мы наглядно оцѣнили всѣ его прелести. Уходя отъ насъ, онъ, слѣдуя общему теченію, не преминулъ попросить ѣсть. Онъ успѣлъ намъ изрядно надоѣсть, и, отвѣтивъ, что мы сами голодаемъ, мы вышли изъ вагона. Вернувшись черезъ нѣкоторое время, мы узнали отъ нашихъ санитаровъ, что онъ, оставшись у насъ, обшарилъ всѣ наши вещи, ища ѣды, допилъ остатки нашего чая, закусивъ конфектами. Уходя обѣщался принести «этимъ милымъ дамамъ» хлѣба. На слѣдующій день, когда мы лежали у себя въ купэ, съ таинственнымъ

видомъ въ дверяхъ появился тотъ же жандармъ и, пугливо осматриваясь, сунулъ намъ прямо въ лицо по маленькому военному хлѣбу, строго на строго запретивъ намъ объ этомъ говорить. Послѣ этого чувствуя себя героемъ и въ отвѣтъ на нашу искреннюю благодарность, потребовалъ отъ насъ побольше «этихъ вкусныхъ конфектъ», чтобы послать своей маленькой дочери, «которая обожаетъ все сладкое». Финальной ракетой было заявленіе, что 3 часа тому назадъ Варшава пала, и онъ не можетъ удержаться, чтобы намъ не сообщить эту радостную для него новость. Мы сильно усомнились въ правдивости его словъ, но онъ не допускалъ никакихъ возраженій.

Шумъ отворяющейся двери вагона заставилъ его встрепенуться и, увидѣвъ входящаго прусскаго офицера, онъ заметался по купэ, стараясь скрыться. Офицеръ вызвалъ насъ и представился уполномоченнымъ и намъ, какъ только что назначенный первый этапный комендантъ Вержболова, тутъ же заявивъ, что онъ, его адъютанты и 3 доктора придутъ къ намъ ужинать. На наше категорическое заявленіе, что у насъ ничего нѣтъ, и на просьбу уполномоченныхъ начать насъ кормить онъ недовѣрчиво и критически осмотрѣлъ вагонъ и, подумавъ минуту, сказалъ, что ровно въ 8 часовъ всѣ упомянутые все-таки придутъ, но съ собственнымъ ужиномъ и накормятъ насъ. Съ этимъ онъ ушелъ, а вернувшись въ свое купэ, мы увидали комическую картину: изъ-подъ кучи нашихъ подушекъ и шубъ испуганно выглядывалъ жандармъ: «если бы меня видѣлъ офицеръ у васъ, мнѣ бы не сдобровать»,—сказалъ онъ, вылѣзая изъ этой засады. Повидимому, его визитъ къ намъ былъ непозволительной эскападой.

Ровно въ 8 часовъ, минуту въ минуту, къ намъ вошла цѣлая процессія: впереди 2 толстыхъ солдата (Bursch'a) несли: одинъ грязный котелокъ съ жидкимъ супомъ, другой же блюдо съ горячимъ саломъ. За ними шелъ комендантъ, полный собственнаго достоинства, его адъютантъ и 4 весьма невзрачныхъ субъекта, оказавшихся докторами. Комендантъ потребовалъ самоваръ, и, усѣвшись за столъ, пригласилъ насъ раздѣлить его трапезу. Сначала настроеніе было крайне натянутое, но понемногу нѣмцы расходились. Всѣхъ военныхъ темъ комендантъ избѣгалъ. Самъ онъ долго служилъ секретаремъ посольства въ Петроградѣ, говорилъ по-русски и старался быть любезнымъ. Онъ подтвердилъ то, что говорили уже намъ многіе нѣмцы, а именно, что насъ всѣхъ, какъ Красный Крестъ, безусловно выпустятъ, такъ какъ мы не плѣнные, а «détenus pour raisons militaires» (сколько мы потомъ настрадались изъ-за этихъ raisons militaires,

въ корнѣ уничтожавшихъ Женевскую Конвенцію). Комендантъ выразилъ удивленіе по поводу того, что русскимъ сестрамъ позволяютъ работать на передовыхъ позиціяхъ, тогда какъ нѣмецкія сестры остаются въ глубокомъ тылу.

— «Развѣ у васъ всегда Красный Крестъ прикрываетъ отступленіе арміи»? насмѣшливо закончилъ онъ.

Доктора много и жадно ѣли всю подаваемую гадость, только изрѣдка вставляя слова. Адъютантъ же молчалъ, изрѣдка съ сочувственнымъ любопытствомъ разглядывая насъ. Впослѣдствіи онъ оказался однимъ изъ немногихъ вполнѣ порядочныхъ нѣмцевъ, принявшихъ въ нашей судьбѣ активное теплое участіе. Онъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы сгладить намъ тяготу плѣна какъ въ мелкомъ, такъ и въ крупномъ. Мы даже отчасти обязаны ему своимъ освобожденіемъ, такъ какъ его дѣдъ оказался предсѣдателемъ нѣмецкаго Краснаго Креста, и онъ, по нашей просьбѣ, неоднократно напоминалъ ему о насъ. Это было для насъ особенно важно, такъ какъ намъ пришлось вскорѣ убѣдиться, что въ Германіи, гдѣ каждый нервъ напряженъ ради военныхъ цѣлей, никто не былъ расположенъ нами заняться, отдѣлываясь лишь громкими фразами. Всѣ послѣдующіе дни комендантъ съ его свитой приходили въ нашъ вагонъ въ опредѣленные часы обѣдать и ужинать, кормя насъ очень мало и очень гадко: большею частью menu состояло исключительно изъ кусочковъ сала. А въ 8 часовъ утра они распоряжались нашимъ самоваромъ и чаемъ. Нужно признаться, эти посѣщенія были намъ очень въ тягость. Общаго разговора при данныхъ условіяхъ быть не могло. Комендантъ, несмотря на внѣшнюю любезность, считалъ долгомъ изрѣдка намъ напоминать о своей надъ нами безграничной власти и позволялъ себѣ даже шарить въ нашихъ вещахъ. Заставъ кн. Л. однажды смотрящимъ въ окно на проходившія нѣмецкія войска, онъ, на шутливый вопросъ послѣдняго, не подозрѣваетъ ли онъ его въ шпіонствѣ, холодно отвѣтилъ: «когда я былъ на французскомъ фронтѣ и увидалъ однажды пастора, разсматривающаго наши войска—«то in einer halben Stunde war er schon begraben». Въ тонѣ этой шутки чувствовалось серьезное предупрежденіе.

Съ появленіемъ коменданта въ Вержболовѣ началъ устанавливаться нѣкоторый порядокъ. Къ намъ уже больше не врывался каждый проходящій; нѣсколько солдатъ несли постоянную охрану около нашего вагона и сосѣдняго, гдѣ поселился комендантъ, его адъютантъ, доктора и гдѣ останавливались проѣзжающіе офицеры. Ко-

мендантъ проявлялъ кипучую дѣятельность: вокругъ и около Вержболово началось сплошное рытье окоповъ, проложили узкую колею въ Россію, и по ней тянулись безконечные поѣзда съ войсками и всякимъ военнымъ матеріаломъ. Комендантъ, часто стоя на паровозѣ, лично руководилъ этими передвиженіями. Ходить по Вержболову мы могли исключительно съ разрѣшенія коменданта, и въ этомъ разрѣшеніи онъ намъ не отказывалъ.

Мы пользовались этимъ разрѣшеніемъ, чтобы пробираться въ русскую булочную и тамъ за тройную цѣну изрѣдка покупать яйца и молоко. Эти вылазки дѣлались большею частью вечеромъ, чтобы обратить на себя меньше вниманія, и сопряжены были съ большимъ рискомъ; приходилось проталкиваться среди нѣмецкихъ солдатъ, которые впрочемъ относились къ намъ довольно добродушно, спрашивали насъ, зачѣмъ намъ нуженъ хлѣбъ, и когда узнавали, что мы голодаемъ, пропускали насъ, хлопая по плечу и приговаривая: c'est la vie или c'est la guerre.

Между тѣмъ раненые въ санитарномъ поѣздѣ приходили въ ужасное состояніе, количество ихъ все увеличивалось; каждый уголокъ поѣзда былъ утилизированъ, и уже ощущался большой недохватъ въ перевязочномъ матеріалѣ. Послѣ десятидневнаго пребыванія въ поѣздѣ нѣмецкіе доктора предложили намъ открыть лазаретъ въ зданіи таможни. Предположено было развернуться на 300 кроватей—230 хирургическихъ и 70 тифозныхъ. Въ смыслѣ оборудованія намъ даны были исключительно наши же носилки и около 100 громоздкихъ деревянныхъ кроватей. При устройствѣ лазарета сказалась невѣроятная грубость нѣмецкихъ докторовъ, особенно по отношенію къ сестрамъ. Было приказано къ опредѣленному часу все устроить, а въ помощь намъ даны были только нѣсколько санитаровъ. Мѣстныя женщины, пригнанныя нѣмцами и начавшія было выметать кучи сора изъ комнатъ, очень быстро разбѣжались, сказавъ, что безплатно онѣ работать не желаютъ. Некому было ни убрать, ни истопить, ни помочь тащить тяжелыя кровати. Намъ приходилось все дѣлать самимъ подъ грубые окрики докторовъ, которые, какъ только комнаты были готовы, придумывали новый планъ. Сестрамъ приходилось по всему зданію перетаскивать по нѣсколько разъ кровати. На счастье, начало темнѣть и послѣ пятой перестановки доктора, наконецъ, угомонились, вѣроятно, жалѣя освѣщеніе.

Къ слѣдующему дню все было установлено и предположено было переводить больныхъ. Мы легли спать усталыя и измученныя.

Около 2 часовъ ночи мы были разбужены комендантомъ, который, войдя къ намъ, спросилъ насъ, не хотимъ ли мы черезъ часъ ѣхать въ Инстербургъ, прибавивъ, что оттуда насъ, вѣроятно, освободятъ и отправятъ дальше. Мы сначала спросонья ничего не поняли, потомъ уже наотрѣзъ отказались разстаться съ нашими лазаретами.

На утро, когда мы въ обычный часъ работали въ перевязочной, насъ потребовали къ коменданту, который приказалъ всѣмъ намъ, не имѣвшимъ дѣла съ тифозными, немедленно уложить свои вещи, такъ какъ черезъ полчаса мы будемъ отправлены въ Инстербургъ. Мы протестовали, но намъ было отвѣчено, чтобы мы не забывали, что мы плѣнные и разсуждать не смѣемъ. Нашу просьбу отправить съ нами еще кого-нибудь изъ персонала комендантъ рѣзко оборвалъ, приказавъ еще разъ торопиться, такъ какъ мы должны идти пѣшкомъ въ Эйдкуненъ. Собравъ кое-какія вещи и оставивъ другія въ вагонѣ, мы отправились проститься съ нашими соотечественниками. Разставаніе было очень тяжелымъ. Нѣкоторымъ казалось, что насъ однихъ освобождаютъ; они не хотѣли вѣрить, что насъ отправляютъ насильно и что наша участь можетъ въ концѣ концовъ оказаться значительно тяжелѣе ихъ. Тѣмъ не менѣе другіе проводили насъ съ искренней грустью и даже со слезами. Тяжело было у каждаго изъ насъ на душѣ, когда мы молча зашагали по направленію къ Эйдкунену подъ конвоемъ, подгонявшимъ насъ. Проводивши насъ, адъютантъ уговорилъ начальника станціи Эйдкунена позволить намъ взять съ собой принесенныя нами вещи (послѣдній находилъ, что русскимъ нечего возить съ собой багажъ). Мы были посажены въ купэ 2-го класса. А рядомъ въ 3-емъ классѣ ѣхали наши 4 санитара. Адъютантъ долженъ былъ насъ проводить до Гумбинена, но нагнавшій насъ неожиданно на автомобилѣ комендантъ заставилъ его выйти изъ вагона и увезъ обратно.

Какъ только поѣздъ тронулся, къ намъ вошли двое штатскихъ. Одинъ подозрительно и молчаливо все время за нами слѣдилъ, другой же немедленно вступилъ въ разговоръ. Онъ оказался купцомъ, большимъ пессимистомъ и къ тому же единственнымъ вполнѣ искреннимъ нѣмцемъ, котораго мы встрѣтили за весь нашъ плѣнъ. Откровенность его дошла до того, что онъ констатировалъ, что для Германіи эта война—такое страшное кровопусканіе, которое она можетъ выдержать не больше одного года. Не успѣлъ онъ докончить этой фразы, какъ второй штатскій (повидимому, тайная полиція, при-

ставленная слѣдить за нами) подъ какимъ-то предлогомъ вѣжливо вызвалъ его изъ купэ, и слишкомъ откровенный купецъ больше не былъ къ намъ допущенъ.

Ѣхали мы до Инстербурга часовъ 6 и, подъѣзжая къ станціи уже вечеромъ, увидѣли на дебаркадерѣ большое движеніе—какіе-то мундиры и много штатской публики. Какъ только поѣздъ остановился, сѣдой полковникъ открылъ дверцу нашего купэ и съ изысканной вѣжливостью помогъ намъ выйти. Уже нѣсколько удивленныя такимъ пріемомъ мы были еще больше поражены, когда онъ обратился къ намъ съ вопросомъ: Welcher von Ihnen ist der Grossfürst?». На нашъ отвѣтъ, что передъ нимъ уполномоченные Краснаго Креста, а не великіе князья, онъ недовѣрчиво оглядѣлъ насъ съ ногъ до головы, причемъ, повидимому, элегантная наружность нашихъ уполномоченныхъ вызвала въ его душѣ бурю сомнѣній: «я получилъ телеграмму съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ Великаго Князя, съ адъютантомъ и дамами» настаивалъ онъ, и наконецъ, когда мы упорно отрекались отъ неприсущаго намъ званія, онъ развелъ руками: «тогда Великій Князь еще ѣдетъ». Позднѣе мы узнали, что въ это время въ нѣмецкихъ газетахъ писалось, что въ Вержболовѣ захваченъ въ плѣнъ «Царскій поѣздъ съ Великимъ Княземъ». Единственнымъ мало вѣроятнымъ объясненіемъ могъ служить тотъ фактъ, что среди вагоновъ нашего поѣзда былъ вагонъ прачечная, на которомъ было написано: «вагонъ-прачечная Ея Императорскаго Величества Императрицы Александры Θеодоровны».

Разочарованіе его и окружающихъ не имѣло границъ, когда намъ удалось ихъ убѣдить, что это недоразумѣніе; обращеніе ихъ круто перемѣнилось. Подозвавъ солдатъ, полковникъ велѣлъ отвести насъ на вокзалъ. Зарядивъ ружья, они насъ повели и заперли въ отдѣльную комнату вокзала, куда вскорѣ прибылъ и офицеръ, угрюмо усѣвшійся противъ насъ, повидимому, для наблюденія за нами. Сначала комическій элементъ этой встрѣчи насъ крайне развеселилъ, но когда тотъ же полковникъ уже въ образѣ Зевса-громовержца влетѣлъ въ комнату и стуча по столу кулакомъ началъ осыпать насъ бранью: «если вы не Великіе Князья, то какъ вы смѣли пріѣхать самовольно въ Инстербургъ—важнѣйшій военный центръ Восточной Пруссіи, гдѣ въ данный моментъ находится самъ Гинденбургъ». Мы искренно возмутились. Брань его не прекратилась и тогда, когда мы тщетно старались ему объяснить, что насъ прислали сюда насильно. Онъ не хотѣлъ ничего слушать и закончилъ тѣмъ, что мы за нашу

4

продерзость будемъ этой же ночью отправлены обратно въ Вержболово. Усталые, голодные, измученные, мы рѣшили добиться того, чтобы насъ оставили переночевать въ Инстербургѣ, ссылаясь на то, что мы Красный Крестъ, что мы требуемъ къ себѣ уваженія и не намѣрены быть мячикомъ въ его рукахъ для перебрасыванія взадъ и впередъ. Мы отказались исполнить его требованіе. При этомъ кн. Л. вытащилъ письмо Лауенштейна, гдѣ говорилось о нашемъ освобожденіи, и показалъ ему. Наше неожиданное упорство и главнымъ образомъ письмо Лауенштейна произвело громадное впечатлѣніе на яростнаго полковника. Онъ мгновенно затихъ и, заявивъ, что онъ обязанъ показать письмо этапному коменданту Инстербурга, исчезъ. Вторичное его появленіе уже было болѣе мягкаго характера. Письмо и здѣсь возымѣло свое дѣйствіе. Мы узнали, что Excellenz von Harbou (такъ звали этапнаго коменданта Инстербурга) разрѣшилъ намъ переночевать въ гостиницѣ, и только на утро мы будемъ отправлены въ Вержболово. Кстати прибавимъ, что Excellenz von Harbou, имя котораго отъ избытка уваженія и трепета, произносилось шопотомъ, не возвратилъ намъ письма Лауенштейна, несмотря на всѣ наши попытки получить его обратно. Передъ уходомъ съ вокзала полковникъ спросилъ насъ, не имѣемъ ли мы при себѣ оружія, и на отрицательный отвѣтъ, указавъ на Gow's pen, который виднѣлся изъ кармана кн. Л., полушутливо сказалъ: «das ist aber auch eine Waffe». Наконецъ, мы были еще задержаны какимъ-то премерзкимъ офицеромъ, по имени Marquart, который пришелъ констатировать личность кн. Л. Онъ съ нахальствомъ объявилъ, что былъ два года инструкторомъ по сельскому хозяйству въ Лифляндіи, гдѣ имѣлъ случай видѣть брата кн. Л.; осмотрѣвъ кн. Л. съ ногъ до головы и найдя сходство съ братомъ, онъ сдѣлался болѣе довѣрчивымъ. Повидимому, насъ заподозрили въ томъ, что мы шпіоны, проникнувшіе подъ чужими фамиліями и флагомъ Краснаго Креста въ Инстербургъ. Кн. Л. крайне рѣзко обошелся съ Marquart, и мы съ гордымъ видомъ отправились въ гостиницу Bahnhof Hotel, находящуюся по близости отъ станціи. Солдаты шли впереди и сзади; предварительно демонстративно зарядивъ ружья; кромѣ того насъ сопровождалъ офицеръ. Въ гостиницѣ въ третьемъ этажѣ намъ отвели двѣ маленькія комнаты въ одной поселились уполномоченные, въ другой мы, сестры. У каждой двери стояло по ландштурмисту съ ружьемъ. Вмѣсто одной ночи мы провели въ Инстербургѣ 2 дня и три ночи. Повидимому, «Excellenz von Harbou» былъ такъ занятъ пребываніемъ въ городѣ Гинденбурга, что ему было не до насъ. Зато Mar-

quart и другой офицеръ заходили и кромѣ того поминутно справлялись по телефону, чѣмъ мы заняты, не наблюдаемъ ли изъ оконъ и т. д., что мы преспокойно дѣлали, замѣтивъ даже безпроволочный телеграфъ на церкви. Кормили насъ недурно, хотя хлѣба давали минимальное количество. Когда мы, сестры, просили разрѣшеніе взять ванну, намъ сначала отказали наотрѣзъ, а потомъ, снесясь со штабомъ, разрѣшили, но только въ сопровожденіи двухъ ландштурмистовъ, которые должны были стоять снаружи у двери. Ванна была въ нижнемъ этажѣ и приходилось идти черезъ hall. Картина была необыкновенная. Сестра милосердія съ губкой, спереди и сзади по ландштурмисту. Публика набилась въ hall и разсматривала насъ какъ дикихъ звѣрей. Прислуга гостиницы обходилась съ нами очень хорошо, жалѣя насъ; особенно горничная проявила къ намъ много симпатіи и даже исполнила нѣкоторыя наши порученія—между прочимъ купила намъ карты; онѣ явились намъ утѣшеніемъ въ нашемъ полномъ бездѣльѣ, и мы вечера проводили за бриджемъ.

Инстербургъ эти два дня праздновалъ въ присутствіи Гинденбурга освобожденіе Восточной Пруссіи отъ насъ, русскихъ. Мы видѣли, какъ его почти на рукахъ выносили изъ штаба, находящагося какъ разъ противъ насъ, и тысячная толпа шумно его привѣтствовала. Всѣ нѣмецкія газеты, которыя намъ впервые здѣсь дали, были полны подробнымъ описаніемъ der Winterschlacht bei der Masurischen Seen. Приводились огромныя цифры русскихъ плѣнныхъ и фантастическія описанія боевъ. За эти два дня мы немного отдохнули отъ вагонной жизни въ Вержболовѣ; возможность основательно вымыться и поспать въ кровати показалась намъ блаженствомъ. На третій день насъ разбудили въ шесть часовъ утра, велѣли собраться, отвели подъ стражей на вокзалъ, предварительно заставивъ заплатить счетъ въ 86 руб. По дорогѣ на вокзалъ насъ снимали фотографы. На вокзалѣ къ намъ присоединили и нашихъ 4 санитаровъ. Ихъ эти 3 дня держали въ тюрьмѣ и почти не кормили. Въ тюрьмѣ было много русскихъ и между прочимъ одинъ офицеръ, который ухитрился передать имъ слѣдующее: «въ Германіи, несомнѣнно, начинается голодъ, настроеніе рѣзко измѣнилось; Нѣмцы спѣшно укрѣпляютъ Германію внутри и проводятъ электричество въ проволочныя загражденія». Все это настоятельно просилъ передать въ Россію.

Къ небольшому поѣзду, поданному для насъ, былъ прицѣпленъ вагонъ 3-го класса, куда насъ и посадили. На этотъ разъ наша стража,

данная намъ въ Вержболовѣ, состояла изъ трехъ ландштурмистовъ—унтеръ-офицера и 2 солдатъ.

Унтеръ-офицеръ оказался профессоромъ математики высшей женской школы, одинъ солдатъ—купцомъ, а другой—технологомъ. Однимъ словомъ, всѣ трое въ высшей степени штатскіе люди. Профессоръ немедленно прочелъ намъ лекцію о томъ, какимъ образомъ Германія окончательно насъ побѣдитъ, а именно: въ 3 недѣли поднимется изъ Буковины правое крыло нѣмцевъ и, соединившись съ лѣвымъ флангомъ, идущимъ изъ Восточной Пруссіи, отрѣжетъ «единственную» желѣзную дорогу, соединяющую Варшаву съ центромъ Россіи, такимъ образомъ вся наша армія погибнетъ отъ голода! Со взятіемъ Варшавы Россія должна кончить свое существованіе, ибо Варшава центръ Россіи, гдѣ кстати находится Великій Князь и небольшая клика желающихъ войны съ Германіей, а за Варшавой все сплошь «бунтующіе инородцы, которые составляютъ главное населеніе Россіи и, конечно, будутъ въ восторгѣ привѣтствовать Вильгельма». Профессоръ былъ человѣкъ упорный, и всѣ наши возраженія нисколько на него не дѣйствовали. Его товарищъ, купецъ, былъ весьма веселый господинъ, съ носомъ въ видѣ пуговки, широко улыбающимся ртомъ, съ массой юмора и ужимокъ. Онъ объявилъ, что онъ L. O. W. Landsturmist ohne Waffen,—и очень радъ, что не долженъ участвовать въ общеевропейскихъ убійствахъ, такъ какъ жестокость не въ его характерѣ. Пока профессоръ уничтожалъ Россію въ 3 недѣли, купецъ старался насъ развлечь разными фокусами—глоталъ монеты, строилъ домики изъ спичекъ и жонглировалъ стаканами. Третій стражъ, технологъ—съ усами à la Wilhelm, мрачно молчалъ и зябъ. Отъѣхали мы отъ Инстербурга не болѣе двухъ километровъ, какъ поѣздъ остановился среди поля, вслѣдствіе поврежденія путей. Кругомъ сильно мело и было около 10° мороза. Покорно просидѣвъ часа три, мы изрядно озябли—нетопленный вагонъ оказался плохой защитой отъ метели. Нашъ стражъ унтеръ-офицеръ побрелъ по сугробамъ въ ближайшую желѣзнодорожную будку и телефонировалъ въ Инстербургъ, испрашивая разрѣшенія вернуть насъ. Отвѣтъ былъ лаконическій: «Держать, гдѣ они есть, до исправленія пути». Тогда унтеръ-офицеръ сжалился надъ нами, позволилъ намъ выйти изъ вагона и провелъ въ желѣзнодорожную будку—крошечную комнату съ однимъ столомъ и парой стульевъ, но, къ счастью, съ печкой, которую онъ тутъ же вытопилъ. Благодѣянія его этимъ не закончились—доставъ гдѣ-то велосипедъ и какого-то крошечнаго мальчика, онъ уговорилъ

его съѣздить въ Инстербургъ на вокзалъ за кофе и бутербродами для насъ.

День тянулся нескончаемо. Сначала забота нашей стражи о насъ насъ искренно тронула, но понемногу присутствіе ихъ начало дѣйствовать намъ на нервы. Мы были всемеромъ забиты въ крошечную комнату, безъ возможности куда-либо двинуться. Стража наша шумѣла, хохотала, острила—все это очень добродушно и даже съ поползновеніемъ насъ развлечь,—но шумъ, громкій хохотъ и непосредственная близость этихъ трехъ ненавистныхъ нѣмецкихъ мундировъ была до того намъ тягостна, что къ вечеру мы еле удерживались отъ слезъ и рады были, когда намъ предложили на ночь вернуться въ вагонъ. Къ этому времени здѣсь уже былъ форменный морозъ и, закутавшись въ шубы, мы вытянулись на деревянныхъ скамейкахъ, въ надеждѣ уснуть и хоть временно забыться. Но увы, спать почти не пришлось. Наша стража, забившись въ купэ рядомъ съ нами, достала гдѣ-то боченокъ рому и, окончательно развеселившись, всю ночь праздновала освобожденіе Восточной Пруссіи отъ русскихъ варваровъ. До насъ все время доносились крики: «a bas les Russes»—«120.000 русскихъ плѣнныхъ», «уничтожить этихъ варваровъ» и т. п. А кругомъ выла метель; на душѣ было до того тяжело, больно и тоскливо, какъ никогда, чувствовалась горячая любовь ко всему своему, милому, родному далекому и столько злобы противъ этой захватившей насъ ненавистной намъ Германіи.

На утро мы наконецъ двинулись, простоявъ подъ Инстербургомъ 24 часа, и пріѣхали въ Вержболово около 8 утра. Нѣмецкая администрація еще спала, такъ что некому было нас принять, и мы около часу бродили по рельсамъ, не зная, что насъ ожидаетъ.

Наконецъ намъ прислали сказать, что докторъ Лахмундъ приглашаетъ насъ пить кофе въ вагонъ. Тутъ намъ было дано очень мало кофе, еще меньше хлѣба и было объявлено, что мы на этотъ день поступаемъ въ вѣдѣніе нашего стараго знакомаго коменданта, а на слѣдующій—должны помѣститься въ нашъ русскій лазаретъ, гдѣ уже жили всѣ наши соотечественники и раненые подъ полной и неограниченной властью нѣмецкихъ докторовъ.

Комендантъ и его адъютантъ встрѣтили насъ ласково, но сконфуженно.

Коменданту было сдѣлано изъ Инстербурга строгое внушеніе за то, что онъ смѣлъ насъ туда отправить. Провожая насъ на вокзалъ, гдѣ намъ были наверху отведены 2 довольно хорошія комнаты, онъ ска-

залъ, что увѣренъ, что «Excellenz von Harbou» разрѣшитъ ему отпустить Красно-Крестный персоналъ черезъ позиціи съ бѣлымъ флагомъ. Освѣдомлялся, способны ли мы верстъ 100 идти пѣшкомъ и искренно удивился нашему утвердительному отвѣту. А мы всѣ готовы были бы идти не сто верстъ, а значительно больше, лишь бы вырваться на свободу. Конечно, всѣ эти обѣщанія, часто повторяемыя и обсуждаемыя на всѣ лады съ видимой дѣловитостью, оказались праздными фразами.

Воздухъ въ комнатахъ, которыя намъ отвели, былъ ужасенъ, благодаря тому, что въ залахъ внизу долго находились лошади,— почти что нельзя было спать отъ тяжелаго запаха.

Тотчасъ же по пріѣздѣ мы отправились въ нашъ лазаретъ, гдѣ были радостно встрѣчены нашими. Выяснилось, что почти всѣ были увѣрены, что насъ изъ Инстербурга отправятъ домой, и это убѣжденіе породило массу зависти и недоброжелательности,—но наше неожиданное обратное появленіе все сгладило, и врачи и сестры тутъ же стали распредѣлять, куда насъ помѣстить въ лазаретъ.

Два дня, проведенные на вокзалѣ подъ властью коменданта, были послѣдніе нашей сравнительной свободы. Здѣсь мы могли выходить, проходить по Вержболову и смотрѣть изъ оконъ. Когда же мы попали въ лазаретъ подъ непосредственную власть докторовъ, къ намъ былъ примѣненъ значительно болѣе жестокій режимъ.

Изъ всѣхъ тяжелыхъ впечатлѣній плѣна, эти первые часы по водвореніи въ лазаретъ едва ли не были самыми тяжелыми. У насъ было чувство, что надъ нами захлопнулась крышка. Одновременно съ нами поступило человѣкъ 200 новыхъ раненыхъ, большею частью тяжелыхъ. Одно зданіе—бывшая Вержболовская таможня—уже было наполнено; новоприбывшихъ помѣстили во второмъ этажѣ, часть котораго была занята персоналомъ. Намъ съ трудомъ отыскали мѣсто въ уже переполненныхъ комнатахъ. Въ большихъ помѣщалось по 12—14 человѣкъ, въ меньшихъ по 7—9, причемъ буквально повернуться было трудно. Комнаты эти (здѣсь еще совсѣмъ недавно помѣщался заразный лазаретъ) были наканунѣ нѣмцами облиты лизоломъ, ѣдкій нестерпимый запахъ котораго держался недѣли двѣ. Палаты находились тутъ же, рядомъ и надъ нами, и оттуда, изъ полной темноты (дѣло было къ вечеру, и освѣщеніе, кромѣ рѣдкихъ огарковъ, отсутствовало) раздавались крики и стоны. Когда мы, съ нашей женщиной врачемъ З., начали дѣлать обходъ больныхъ, нашимъ глазамъ пред-

ставился настоящій адъ. Раненые лежали тѣсными рядами всюду, на носилкахъ, которыхъ не хватало, и на полу, въ палаткахъ и коридорахъ. Бѣлья не было, приходилось оставлять имъ собственныя рубашки, большей частью изорванныя, окровавленныя и грязныя. Перевязочнаго матеріала и какихъ бы то ни было лѣкарствъ тоже не имѣлось; послали въ сосѣднее зданіе, гдѣ уже, насколько можно было въ такихъ условіяхъ, устроился французскій лазаретъ, и кое-что мы оттуда получили. Были нѣсколько случаевъ столбняка, съ которымъ впервые приходилось сталкиваться—зрѣлище ужасное, особенно съ сознаніемъ собственной безпомощности принести какую либо помощь всѣмъ этимъ несчастнымъ. Всю ночь раздирающіе стоны не давали спать. Къ утру нѣсколько человѣкъ скончалось, и доктора начали прилагать всѣ усилія, чтобъ привести лазаретъ хотя въ сносный видъ. Всѣхъ нашихъ санитаровъ, за исключеніемъ тридцати, нѣмцы въ первый же день плѣненія отправили внутрь Германіи и мы набрали недостающее количество изъ легко раненыхъ. Два раза въ день нѣмецкіе доктора дѣлали обходъ, но кромѣ критики по поводу «русской грязи», отъ этихъ посѣщеній ничего не получалось. Надо замѣтить, что въ наше распоряженіе былъ отданъ лишь одинъ колодезь, находящійся тутъ-же на дворѣ, вода была желтая, да ея и не хватало на 550 человѣкъ; приходилось иногда часами ждать, чтобъ она набралась. Мы пользовались этими посѣщеніями, чтобъ буквально вымаливать у нѣмцевъ перевязочныя и лѣкарственныя средства: на оба лазарета, съ 450 ранеными и больными, они отпускали три-четыре пакетика ваты и 20 листовъ лигнина, и это на нѣсколько дней! Вата представляла изъ себя комки мусора, іода намъ давали такъ мало, что его на всѣ перевязки далеко не хватало. Argenti nitrici былъ одинъ обломокъ въ полсантиметра длины, тщательно вложенный въ длинную трубочку. Въ смыслѣ больничнаго бѣлья было лишь то, что наши доктора въ поѣздѣ успѣли скрыть отъ бдительнаго и жаднаго взора противника, который даже на нашемъ поприщѣ, гдѣ, казалось бы, вражда должна сгладиться въ общемъ дѣлѣ милосердія къ страждущимъ,—до конца держался какъ врагъ, строго придерживающійся демаркаціонной линіи между нимъ и нами. Помѣстили насъ въ невозможныя условія. При страшной скученности выйти было рѣшительно некуда, т. к. дальше дворика, соединяющаго оба зданія лазарета, насъ все изъ-за тѣхъ же «raisons militaires» никуда не выпускали. Съ двухъ сторонъ нѣмцы воздвигли заборы, у которыхъ стояли часовые съ заряженными ружьями. Видъ этого дворика былъ непривлекательный: при невѣроят-

ной его загрязненности въ моментъ нашего прибытія въ лазаретъ здѣсь же помѣщалась выгребная яма, все время переливающаяся черезъ край. Приходилось шагать по невозможный грязи. Послѣ долгихъ настоятельныхъ просьбъ дать возможность вычистить это мѣсто, нѣмцы наконецъ прислали нѣсколькихъ плѣнныхъ, которые по указанію нѣмецкаго унтеръ-офицера здѣсь же рядомъ вырыли неглубокую яму, куда ведрами переливали нечистоты. Можно себѣ представить какимъ воздухомъ мы всѣ дышали! Рядомъ съ дворикомъ находился такой-же крошечный садъ—«паркъ», какъ его называли нѣмцы, приблизительно въ 10—12 кв. саженъ, который на первыхъ порахъ служилъ намъ кладбищемъ. Зарывали здѣсь и ампутированныя ноги и руки, которыхъ, благодаря большому количеству отмороженныхъ членовъ и сильной гангренѣ, была масса. Садикъ служилъ единственнымъ мѣстомъ, предоставленнымъ намъ для «прогулокъ». Естественно, что многіе не выдерживали этого заключенія, пользуясь всякимъ удобнымъ моментомъ, чтобъ перескочить черезъ заборъ, особенно, когда часовые, послѣ нѣкотораго времени, были замѣнены огромными плакатами: «seuchen-Gefahr» но эти эскапады даромъ не обходились. Каждый разъ докторъ или комендантъ приходили съ рѣзкимъ замѣчаніемъ къ уполномоченнымъ, что они недостаточно строго держатъ свой персоналъ. Раза-два даже арестовывали бѣглецовъ, дерзающихъ нарушить «дисциплину», впрочемъ ихъ тутъ же выпускали, не зная, что съ ними дѣлать. Военная администрація Вержболова была слишкомъ поглощена своими спеціально военными занятіями, чтобъ имѣть время вспомнить о насъ, и въ этомъ заключалась безнадежность, какъ намъ тогда казалось, нашего положенія, безнадежность, съ которой мы впрочемъ не мирились, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобъ спросить коменданта: «когда же вы насъ наконецъ выпустите».—Работы въ лазаретѣ, при большомъ количествѣ персонала, было не слишкомъ много. Съ утра начинались перевязки, за которыми слѣдовали операціи. Во главѣ обоихъ лазаретовъ сталъ французскій хирургъ К.—рѣшительный и прекрасный человѣкъ, единственный, который, не задумываясь, взялъ на себя эту трудную роль. Онъ и его сестры среди этого хаоса отношеній представляли изъ себя дружное, сплоченное цѣлое и работали отлично и неутомимо. Ординаторомъ зданія, въ которомъ работали мы, былъ ассистентъ К., д-ръ Р. Изъ другихъ докторовъ, свою самоотверженность и неутомимость въ работѣ проявилъ Самарскій врачъ Я., который завѣдывалъ тифознымъ отдѣленіемъ, и зауряд-врачъ К. военнаго поѣздѣ литера Ж

(захваченнаго въ Вержболовѣ въ одно время съ нами). К., добровольно вызвавшійся ассистировать Я. Добродушный, жизнерадостный К. завоевалъ всѣ симпатіи лазарета. Его прозвали «маленькая Ж», въ отличіе отъ «большой Ж»—такъ звали старшаго врача того же военнаго поѣзда. Съ французскимъ лазаретомъ попался и ихъ священникъ; тихій, скромный, всѣми любимый, онъ всегда приносилъ утѣшеніе, гдѣ могъ. По его иниціативѣ въ лазаретѣ аккуратно устраивались всенощныя и обѣдницы; онъ также организовалъ спѣвки въ предвидѣніи пасхальной заутрени въ плѣну.

Кн. Л. съ открытія лазарета работалъ простымъ санитаромъ въ самой тяжелой палатѣ, а также помогалъ при перевязкахъ во французскомъ лазаретѣ.

Мы съ трудомъ устроили собственную перевязочную, служившую операціонной. Сначала кромѣ перевязочнаго стола и небольшого продавленнаго шкафчика ничего не было. Къ счастью, нашлась керосинка, на которой устроили кипяченіе немногихъ имѣющихся хирургическихъ инструментовъ. Стерилизація производилась въ французскомъ лазаретѣ, сохранившемъ крошечный автоклавъ. Стерилизовалось лишь то, что непосредственно касалось раны. Завѣдываніе этой комнатой взяла на себя фельдшерица земскаго поѣзда А. Страшный недостатокъ перевязочнаго матеріала вызвалъ въ ней неестественную бережливость. Уже въ силу нашей бѣдности приходилось по нѣсколько разъ накладывать тѣ же вату и бинты, которые благодаря этому подъ конецъ кишѣли паразитами (бороться съ послѣдними, вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было средствъ и даже воды, было невозможно). А тутъ еще А. принимала за личное оскорбленіе всякую «непроизводительную», какъ ей казалось, трату матеріала, и приходилось вступать въ безконечныя съ ней пререканія насчетъ каждаго чистаго бинта или кусочка ваты. Всегда слышался одинъ отвѣтъ: «нѣмцы больше не даютъ». Кромѣ перевязокъ и операцій, на нашу долю выпадали и ночныя дежурства, и это было при данныхъ обстоятельствахъ однимъ изъ мучительнѣйшихъ переживаній плѣна. Освѣщенія намъ нѣмцы, за исключеніемъ рѣдкихъ огарковъ, выгоравшихъ въ 2—3 часа, никакого не давали. Приходилось дежурить въ полной темнотѣ, съ полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было лѣкарствъ,—ни морфія, ни пантапона, ни даже валеріана не было. Раненые, какъ извѣстно, ночью всегда страдаютъ гораздо больше, чѣмъ днемъ. Облегчать эти страданія приходилось почти исключительно ласковымъ словомъ—и то пробираться по темнымъ палатамъ

къ стонущему или зовущему было сопряжено съ невѣроятными трудностями. Топлива нѣмцы тоже совсѣмъ не давали, и мы понемногу разбирали находящіеся въ предѣлахъ нашей тюрьмы заборы, а также деревянныя кровати, данныя сначала для раненыхъ, но изъ-за громоздкости эвакуированныя нами изъ лазарета. Экономію наводили при этомъ большую; палаты и комнаты топились скудно, въ коридорахъ же, сообщавшихся непосредственно съ дворомъ разбитой стеклянной дверью, царилъ морозъ, при чемъ коридоръ верхняго этажа былъ переполненъ ранеными. Въ этихъ-то коридорахъ приходилось проводить ночныя дежурства, за тѣми рѣдкими исключеніями, когда удавалось вымолить у А. ключъ отъ перевязочной; обыкновенно она отказывала подъ предлогомъ, что мы перевязочную загрязнимъ, забывая совершенно, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы работали, всѣ соображенія объ асептикѣ и антисептикѣ являются злой насмѣшкой, особенно если прибавить къ этому, что по ночамъ иногда врывались въ лазаретъ, ища пристанища, цѣлые кавалерійскіе разъѣзды, грязные, голодные и нахальные. Требовалось все наше присутствіе духа, чтобы выпроваживать этихъ непрошеныхъ гостей, устрашая ихъ именемъ коменданта. И вотъ, работая въ такихъ условіяхъ, приходилось лишній разъ убѣдиться въ долготерпѣніи нашего русскаго солдата. Привозили ихъ большей частью съ ужасными ранами. Много было раненій разрывными пулями, особенно въ первые дни. Возможность помочь имъ въ медицинскомъ отношеніи была минимальная (за исключеніемъ присутствія талантливаго, главное, смѣлаго хирурга К., котораго не останавливали данныя условія, чтобъ дѣлать самыя серьезныя операціи). Держали раненыхъ впроголодь, въ невозможныхъ санитарныхъ условіяхъ (большинству за 6 недѣль плѣна всего разъ удалось смѣнить рубашки), и хотя смертность была большая, огромный процентъ умудрялся выздоравливать, даже быть веселымъ. Особенно врѣзалась въ память одна палата № 6, самая тяжелая въ нашемъ зданіи. Всѣ 18 человѣкъ лежали неподвижно все время нашего пребыванія въ плѣну, нѣкоторые умерли и вмѣстѣ съ тѣмъ не было палаты веселѣе въ теченіе дня. Стоило войти, какъ со всѣхъ сторонъ поднимались смѣхъ и шутки. Тѣмъ болѣе жалко было ихъ всѣхъ ночью, когда та же палата наполнялась стонами ея безсонныхъ обитателей. А чувство собственной безпомощности усугубляло грусть. Помнится и другой нашъ паціентъ, о которомъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ врачъ З. Съ сильно развитой болѣзнью сердца, онъ съ отечнымъ невѣроятно страдающимъ лицомъ и днемъ и ночью сидѣлъ

на своей койкѣ. Всѣ попытки достать у нѣмцевъ какія-либо сердечныя средства оказывались тщетными; на все получался отвѣтъ: «у насъ самихъ этихъ лѣкарствъ нѣтъ». Былъ еще раненый, весь исколотый штыками. Онъ укрылся отъ нѣмцевъ въ сѣновалѣ. Вскорѣ послѣдніе забрались туда же и разлеглись спать надъ нимъ. Онъ недолго выдержалъ эту пытку и зашевелился. Нѣмцы испуганно начали тыкать сѣно штыками и всего его искололи, послѣ чего привезли къ намъ. Работая въ такихъ условіяхъ, мы болѣе, чѣмъ когда либо почувствовали, какъ много можно сдѣлать теплымъ ласковымъ отношеніемъ, и какъ глубоко наши солдаты это цѣнятъ. Они привязывались къ намъ, какъ дѣти, все время твердя: «какое счастье, что и вы попали въ плѣнъ съ нами». Изрѣдка удавалось покупать имъ папиросы, и наше появленіе въ палатахъ съ этимъ неожиданнымъ гостинцемъ вызывало бурю восторга и благодарности. Всѣ эти, еще совсѣмъ молодые солдаты, большей частью навѣки искалѣченные, проявляли необыкновенную стойкость въ страданіяхъ. Чуть затихнетъ послѣднее, онъ опять бодръ и веселъ и даже вторитъ хору, устроенному одной палатой, гдѣ случайно собрались очень хорошіе голоса. Грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ тепло дѣлалось на душѣ, когда въ сумерки, негромко, но стройно по всему лазарету разносились родныя пѣсни, тѣмъ болѣе грустно, что случалось иногда, что въ сосѣдней палатѣ въ то же время умиралъ какой-нибудь бѣдняга—и умиралъ такъ просто и такъ величественно—величественно именно въ силу этой простоты,—что оставалось только преклониться передъ этимъ примѣромъ.

Остатокъ дня послѣ перевязокъ и операцій, когда не привозили новой партіи раненыхъ и не было дежурствъ, проходилъ въ разговорахъ, иногда даже играли въ бриджъ. Собирались обыкновенно въ комнатѣ уполномоченныхъ. Это былъ единственный уголъ во всемъ лазаретѣ, гдѣ можно было спокойно посидѣть, т. к. въ ней кромѣ нихъ двухъ никто не помѣщался. Сюда приходили отвести душу нѣкоторые изъ докторовъ и сестеръ, въ особенности часто К., Я., маленькая Ж и А. На тысячу ладовъ обсуждали возможность освобожденія и военныя событія, о ходѣ которыхъ узнавали лишь изъ нѣмецкихъ источниковъ, какъ оказалось впослѣдствіи, далекихъ отъ истины. Иногда удавалось получить нѣмецкую газету, на которую жадно набрасывались, и по тону ея скоро научились заключать о томъ, что дѣлалось на театрѣ войны. Сначала упоеніе побѣдой при «Winterschlacht bei den Masurischen Seen» было полное. Писали, что нашъ лѣвый флангъ обойденъ въ Буковинѣ, и грандіозный планъ

*

Гинденбурга—соединиться своими крылами въ тылу нашей арміи и отрѣзать Варшаву,—обѣщалъ полную удачу. Писали о несмѣтномъ количествѣ взятыхъ въ плѣнъ русскихъ, о полномъ уничтоженіи 10-й арміи, превозносили до небесъ Гинденбурга и Кайзера—это былъ настоящій шовинистскій бредъ! Но мало-по малу тонъ понижался, о побѣдахъ уже не трубили и начали появляться, выдержки изъ иностранныхъ газетъ, по которымъ мы съ радостью заключили, что дѣла нѣмцевъ вовсе не такъ блестящи. Вскользь промелькнувшее извѣстіе о томъ, что при взятіи Прасныша русскими нѣмецкія войска потеряли 4.000 плѣнныхъ, а также «о дѣйствіяхъ русскихъ въ Станиславовѣ», который, на основаніи нѣмецкихъ источниковъ, мы считали въ рукахъ нѣмцевъ, утвердили насъ въ нашихъ предположеніяхъ. Апоѳеозъ явился въ видѣ статьи, озаглавленной «отсутствіе нравственныхъ качествъ у русскаго солдата». Въ этой статьѣ доказывалось, что русскіе солдаты воюютъ не по внутреннему убѣжденію, а лишь изъ подъ палки офицеровъ; приводилось, какъ доказательство, что всякій «сознательный» солдатъ послѣ «ужаснаго пораженія» при Мазурскихъ озерахъ, а еще раньше при отступленіи Р. изъ Пруссіи, былъ бы на долгое время *морально* уничтоженъ какъ солдатъ.—«Что же мы видимъ теперь», восклицалъ авторъ.—Не прошло и мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ вновь сформированные остатки 10-й арміи уже «*бодро*» наступаютъ на насъ. Заканчивалась статья довольно неожиданнымъ выводомъ, что такихъ «варваровъ» можно побѣдить только полнымъ уничтоженіемъ ихъ, къ чему и призывались нѣмцы. Кромѣ того всѣ нѣмецкія газеты были полны статьями, озаглавленными «нуженъ ли человѣку хлѣбъ», «можетъ ли человѣкъ жить безъ картофеля» и т. п. Въ нихъ доказывалось, что и то и другое для человѣка лишняя роскошь. Помимо газеты, нѣмцы пользовались всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобъ сообщить намъ «радостную вѣсть» о взятіи Варшавы, Ковны, Гродны, объ объявленіи Швеціей войны Россіи и т. п. Это была цѣлая сѣть лжи, въ которой поддерживались какъ плѣнные, такъ и нижніе чины нѣмецкой арміи. Кайзеръ лично (онъ проѣхалъ черезъ Вержболово дня три послѣ нашего взятія въ плѣнъ) во время своихъ частыхъ посѣщеній фронта «*начинялъ*» войска и требовалъ того же самаго отъ всего высшаго состава арміи. Для послѣдняго же это была по отношенію насъ цѣлая система запугиванія, которой мы старались не поддаваться. Только въ самыя тяжелыя минуты плѣна, когда нервы вдругъ сдавали, закрадывалось иногда сомнѣніе: «а что если дѣйствительно доля правды во

всемъ этомъ есть». Должны признаться, впрочемъ, что такія настроенія были лишь мимолетны. Нѣмцы сами не выдерживали тона до конца. Стоило возразить—«этого быть не можетъ»—какъ они отвѣчали: «ну, если еще не случилось, то случится, несомнѣнно», иногда даже вынимали часы, опредѣляя, въ которомъ именно часу. Несмотря на свое полное нежеланіе сказать намъ что нибудь пріятное, нѣмцы все же не могли отъ насъ скрыть своего восхищенія передъ нашими сибирскими полками (особенно послѣ отпора, даннаго имъ подъ Лыкомъ) и передъ нашей артиллеріей. О французскихъ войскахъ они отзывались въ томъ смыслѣ, что они единственные, которые «ведутъ войну культурно», прибавляя, что у нихъ безукоризненные высшіе чины арміи и организаціонная часть ея. Зато объ англичанахъ они говорили съ пѣной у рта, захлебываясь отъ злости. Мы часто видѣли даже на поѣздахъ, проходящихъ черезъ Вержболово, надписи мѣломъ «Gott strafe England». Рядомъ съ этимъ часто красовалось изображеніе враждующихъ съ нѣмцами монарховъ и рядомъ: «nach Petersburg» или «nach London» и т. п. Объ Италіи они говорили съ затаенной, плохо скрываемой ненавистью. «Wir werden Italien zeigen, wo kalt und wo heiss ist». Очень скоро всѣ эти разговоры намъ изрядно надоѣли, до того они были однотипны: послѣ первыхъ же словъ, предугадывалось остальное. Трудно себѣ представить, какъ можно добиться того, чтобъ пьяный народъ, цѣлая армія подъ какимъ то гипнозомъ не только думала по одной мѣркѣ, но и говорила одними фразами.

Кормили насъ нѣмцы отвратительно. На утро давали то, что называлось кофе, но было лишь сквернаго качества цикоріемъ. Пить эту бурду было почти невозможно; къ счастью, у насъ хватило на всѣ 6 недѣль плѣна собственнаго чая. Сахаръ отпускался лишь въ видѣ исключенія, хлѣбъ—въ минимальной дозѣ да и то—знаменитый нѣмецкій «Kriegsbrot», состоявшій изъ 25% муки, 15% картофеля и 60% всякихъ суррогатовъ, вродѣ отрубей, соломы и т. д. Хлѣбъ этотъ даже въ свѣжемъ видѣ твердъ какъ камень и совершенно безвкусенъ. Въ 3 часа давали супъ изъ несвѣжихъ консервовъ; часто въ немъ плавали черви. То же самое находили мы не разъ въ кашѣ, которая иногда давалась по вечерамъ, въ самомъ минимальномъ количествѣ. Стоило прозѣвать моментъ, когда котелъ появлялся въ корридорѣ (пищу приносили въ котлахъ и ставили въ корридоръ, а изъ него каждый черпалъ въ свою миску), какъ онъ уже былъ пустъ. Больные жадно набрасывались на остатки. Они получали то же,

что и мы, но страдали отъ этого недостатка пищи почти что больше насъ. Доктора выпросили у нѣмцевъ письменное разрѣшенiе одному санитару ходить въ лавку, и такимъ образомъ иногда доставали для слабыхъ больныхъ яйца и молоко; остатки перепадали персоналу, который покупалъ ихъ на личныя средства. У К. и Я. оставались лазаретныя деньги, которыхъ нѣмцы, къ счастью, не отняли. Благодаря этому, удалось спасти многихъ больныхъ, особенно тифозныхъ, которые въ первые дни гибли отъ такого режима. Всего этого однако было такъ мало, что ощущенiе голода сдѣлалось хроническимъ, а подъ конецъ многiе даже страдали головокруженiемъ. Это до тѣхъ поръ незнакомое для насъ чувство часто прорывалось въ разговорахъ. Сидимъ, бывало, нѣсколько человѣкъ и вдругъ послѣ короткаго молчанiя одинъ кто-нибудь спроситъ: «Ну, а что бы Вы, господа, сейчасъ хотѣли бы съѣсть»—и почти неизмѣнно большинство хотѣло бифштексъ съ бѣлой булкой.

Разъ, во время прогулки по саду, увидѣвъ проходящаго Drabiga (адъютанта), мы подозвали его, чтобъ узнать о своей судьбѣ, и сказали ему между прочимъ, что голодаемъ, прося его отъ себя послать купить намъ какую-нибудь ѣду и хорошаго кофе, за что, конечно, заплатимъ. Д. не то возмутился, не то сконфузился на наши слова, а вечеромъ того же дня къ намъ явился его «Bursch» съ сахаромъ, кофе и яйцами, за которые мы ему тутъ же заплатили, и небольшимъ окорокомъ, который его господинъ просилъ насъ принять. Мы были такъ голодны, что, забывъ всякую гордость, съ радостью приняли этотъ подарокъ, который на нѣсколько дней былъ прiятнымъ разнообразiемъ послѣ пищи съ червями.

Такъ голодно и монотонно протекали дни. Къ намъ привозили все новыхъ раненыхъ, число коихъ достигло 500. Минуты полнаго отчаянiя смѣнялись у насъ новыми надеждами, и тѣ и другiя были большей частью основаны на однихъ слухахъ. Мы все болѣе и болѣе убѣждались, что никто въ Германiи не знаетъ, какъ съ нами поступить, и правилъ опредѣленныхъ нѣтъ. Подтвердилось это очень скоро. Однажды мы получили неожиданное приглашенiе явиться въ вагонъ коменданта, т. к. прiѣхали нѣмецкiе уполномоченные Краснаго Креста изъ Берлина. Можно себѣ представить, съ какимъ волненiемъ мы отправились туда, и какъ велико было наше разочарованiе, когда оказалось, что насъ призвали только изъ любопытства: коменданту просто захотѣлась демонстрировать русскiе экземпляры. Уполномоченные гр. Дона и графъ Остенъ-Сакенъ съ любопытствомъ насъ огля-

дѣли, сказали намъ нѣсколько банально-любезныхъ фразъ, и на нашъ неизмѣнный вопросъ, когда же насъ освободятъ?—отвѣтили, что это ихъ вовсе не касается, т. к. все зависитъ отъ «Kriegsministerium». Разговоръ ограничился свѣтскими банальностями и мы ушли огорченныя.

У коменданта разъ вырвалось, что «женевская конвенція—понятіе весьма растяжимое и существуетъ лишь на бумагѣ», и что вообще нѣмцы по отношенію къ намъ будутъ придерживаться правила: «око за око и зубъ за зубъ»: какъ будутъ въ Россіи поступать съ нѣмецкимъ Краснымъ Крестомъ, такъ же будутъ они отвѣчать и намъ. Единственный, кто поддерживалъ наши угасающія надежды, былъ Drabig, который часто пользовался нашими прогулками по «парку», чтобы перекинуться съ нами нѣсколькими словами. Его дѣдъ сдѣлался главнымъ оплотомъ нашихъ надеждъ. Иногда къ Drabig,у присоединялся и комендантъ, но послѣдній при этомъ всегда имѣлъ видъ боящагося себя скомпрометировать черезчуръ фамильярнымъ отношеніемъ къ русскимъ плѣннымъ (нашъ паркъ помѣщался у самаго шоссе, по которому всегда передвигались нѣмецкіе солдаты), и онъ послѣ нѣсколькихъ фразъ принималъ опять свой самый важный видъ и, торжественно раскланявшись, уходилъ. А мы послѣ его ухода, смѣясь, поддразнивали Drabig'a, не боится ли и онъ, что его хорошее отношеніе къ плѣннымъ испортитъ его репутацію въ Германіи.

Однажды въ двадцатыхъ числахъ февраля въ перевязочную во время работы въ большомъ волненіи вбѣжалъ «маленькая Ж» и обратилъ наше вниманіе на очень отдаленную глухую пальбу, съ утра раздававшуюся въ Юго-Восточномъ направленіи. Всѣ встрепенулись. До этого дня мертвая тишина свидѣтельствовала объ отдаленности военныхъ дѣйствій; мы были, несомнѣнно, въ глубокомъ нѣмецкомъ тылу, и всѣ надежды, что насъ отобьютъ, казались тщетными. Къ вечеру и слѣдующіе два дня пальба участилась, приблизилась и стала значительно громче. Вмѣстѣ съ этимъ росло и общее волненіе—волненіе, передававшееся и нѣмцамъ. По тому же шоссе, гдѣ въ концѣ января совершалось ихъ наступленіе—потянулись назадъ сначала обозы, потомъ и другія части; знаменитая артиллерія съ лыжами (лыжи на этотъ разъ были подвязаны къ лафетамъ) и пѣхота. Когда же мимо нашихъ оконъ на скверныхъ таратайкахъ пронеслись съ озлобленнымъ видомъ нѣсколько нѣмецкихъ генераловъ, наше торжество не имѣло границъ—мы хохотали имъ вслѣдъ, крича: «nach Vaterland, nach Vaterland»!

Отъ нашего бывшаго истопника Алексѣя, оставшагося при своемъ вагонѣ, гдѣ жилъ теперь комендантъ, и ухитрявшагося насъ изрѣдка навѣщать, передавая свѣдѣнія о внѣшнемъ мірѣ (онъ насъ очень разсмѣшилъ разсказомъ о томъ, что задерживаемый нѣмецкими солдатами, онъ говорилъ: «моя комендантъ», что открывало ему всѣ двери), мы узнали, что комендантъ и другія нѣмецкія власти въ нѣкоторой паникѣ, при этомъ Алексѣй приводилъ фактъ, «что веселый адъютантъ больше ужъ не насвистываетъ», а комендантъ ходитъ хмурый съ поднятымъ воротникомъ (мы вообще замѣтили, что нѣмецкіе офицеры всегда поднимаютъ воротники при скверномъ настроеніи). Дѣйствительно, встрѣтивъ Б., комендантъ спросилъ его въ шутливой формѣ, черезъ которую сквозило волненіе: «какъ мы съ нимъ поступимъ, если онъ въ свою очередь попадетъ къ намъ въ плѣнъ».

По вечерамъ мы подъ руководствомъ все той же предпріимчивой «маленькой Ж» пробирались на чердакъ, который сдѣлался у насъ наблюдательнымъ пунктомъ. Эти похожденія были связаны съ большой опасностью—мы отлично сознавали, что стоило нѣмцамъ замѣтить нашъ маневръ, и они бы не остановились передъ крайними мѣрами,—но соблазнъ былъ слишкомъ великъ, такъ какъ видъ съ чердака въ сторону Россіи былъ великолѣпный. Отсюда же мы замѣтили, что на вокзалѣ также царило необыкновенное оживленіе—шла спѣшная эвакуація захваченной добычи внутрь Германіи.

Многіе съ этого чердака ухитрялись видѣть даже разрывы снарядовъ. Фантазія вообще разыгралась—такъ, сидя вечеромъ на крыльцѣ, нѣкоторые увѣряли, что шрапнели лопались недалеко отъ нихъ, а другіе, приложившись ухомъ къ землѣ, слышали вблизи «страшный бой».

Надежда, что наши насъ отобьютъ, росла съ каждой минутой—мы рѣшили подготовиться къ этому, елико возможно. Въ случаѣ боя наше положеніе было бы крайне критическимъ, такъ какъ въ 15 шагахъ отъ лазарета тянулись окопы, вырытые и укрѣпленные въ первые же дни взятія Вержболова, а за нашей спиной въ Эйдкуненѣ стояла тяжелая артиллерія, направленная въ нашу сторону. Очевидно, что при первыхъ же артиллерійскихъ выстрѣлахъ, отъ нашихъ лазаретовъ не осталось бы камня на камнѣ. По совѣту лежащихъ у насъ раненыхъ офицеровъ мы осмотрѣли наши подвалы, изъ которыхъ одинъ оказался очень вмѣстительнымъ и на рельсахъ. Въ случаѣ боя было рѣшено туда снести раненыхъ. Конечно, это было бы сопряжено съ невѣроятными трудностями, такъ какъ большая половина нашихъ пятисотъ

раненыхъ были *лежачіе*. Въ эти дни въ Вержболовѣ распространялись всякіе слухи; говорили, что казачій разъѣздъ ночевалъ въ селѣ, говорили, что нѣмцы ихъ обстрѣливали, но имъ удалось удрать. Новая партія раненыхъ, прибывшая въ эти дни, подтвердила подходъ нашихъ частей. Съ каждымъ новымъ слухомъ радостное волненіе росло.

Кульминаціонный пунктъ этихъ настроеній совпалъ какъ разъ съ днемъ похоронъ одного изъ нашихъ офицеровъ и двухъ солдатъ. Обычно въ такихъ случаяхъ комендантъ присылалъ нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ для отдачи воинскихъ почестей. На этотъ разъ солдаты были присланы, но комендантъ предупредилъ насъ, что не можетъ допустить салюта въ виду возможной паники среди населенія. Необыкновенно ярко врѣзались въ нашу память эти похороны—былъ одинъ изъ первыхъ синихъ весеннихъ дней. Благодаря чистотѣ и прозрачности воздуха буханье орудій казалось совсѣмъ близкимъ. Въ Вержболовѣ отъ раскатовъ дрожали стекла, и какъ будто сотрясалась земля. Намъ всѣмъ, отрѣзаннымъ отъ своихъ, казалось, что тотъ салютъ, въ которомъ намъ отказали нѣмцы, полностью воздавался умершимъ нашими подходящими войсками. Какое-то ликованье рождалось въ душѣ.

Всѣмъ нашимъ надеждамъ однако не суждено было сбыться. Съ этого же дня выстрѣлы начали постепенно утихать и наконецъ замолкли совсѣмъ. По ночамъ вслушивались въ снова окружившую насъ мертвую тишину, а, встрѣтясь по утрамъ, всѣ съ волненіемъ спрашивали другъ друга, не слышно ли чего. Увы! сомнѣнія больше не было, что наши войска вновь удалились!

Алексѣй, придя къ намъ, констатировалъ, что «комендантъ спустилъ воротникъ, а адъютантъ вновь насвистываетъ».

Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней докторъ Nacke и д-ръ Lachmund, дѣлая обычный утренній обходъ, велѣли всему персоналу собраться внизу въ корридорѣ. Молніей распространился слухъ, что насъ собираютъ для того, чтобы объявить намъ объ освобожденіи. Всѣ, перегоняя другъ друга, бросились внизъ, гдѣ д-ръ Nacke съ спискомъ въ рукахъ уже отмѣчалъ «желающихъ ѣхать въ Россію». За общимъ крикомъ и гамомъ большаго мы отъ него добиться не могли и рѣшили въ сторонѣ ждать выясненія положенія, стараясь казаться спокойными, хотя на душѣ была буря отъ одной только мысли вырваться на свободу. Почти всѣ хотѣли ѣхать, во что бы то ни стало. Подойдя къ намъ К. съ волненіемъ и огорченіемъ объявилъ намъ, что

въ нашемъ зданіи кромѣ насъ двухъ уже всѣ сестры записались на отъѣздъ, и спросилъ насъ, что мы намѣрены дѣлать. На нашъ отвѣтъ: «ждать выясненія обстоятельствъ»—онъ продолжалъ, что д-ръ Р. остается такимъ образомъ одинъ съ 200 раненыхъ. Онъ такъ выжидательно при этомъ на насъ посмотрѣлъ, что мы сразу поняли, что нашъ долгъ—остаться, о чемъ и объявили ему послѣ минутнаго колебанія. Наше рѣшеніе мы тотчасъ же сообщили Nacke, очень ему удивившемуся. Весь день прошелъ въ волненіи и разговорахъ. Многіе, въ пылу первыхъ минутъ записавшіеся для отъѣзда, всетаки остались, чтобы помочь въ работѣ. Когда на слѣдующій день выяснилось, что мѣсто назначенія уѣзжающихъ—Сувалки, находящіеся въ рукахъ нѣмцевъ, волненіе не имѣло предѣловъ. Освобожденіе оказалось химерой. Тѣмъ не менѣе желающихъ уѣхать было довольно много: однихъ прельщала перемѣна, другіе надѣялись, что Сувалки отобьютъ раньше Вержболова. На слѣдующее утро со слезами и волненіемъ около 25 человѣкъ уѣхало подъ конвоемъ.

И вновь голодно и монотонно потянулись дни, съ той лишь разницей, что пищу намъ еще убавили, отчего непріятная слабость въ ногахъ возросла, а также увеличилась работа въ лазаретѣ. Нѣмецкіе доктора участили свои посѣщенія, придумывая все новыя и новыя строгости. Д-ръ Nacke типичный Гейдельбергскій студентъ съ безконечными шрамами на пурпурно-фіолетовомъ лицѣ, былъ особенно грубъ съ сестрами, на которыхъ смотрѣлъ, какъ на созданья низшаго разряда. «Psst! Schwester»—кричалъ онъ, величественно указывая пальцемъ на какой-нибудь предметъ, который нужно было принести или унести. Иногда этотъ предметъ была массивная кровать, съ тяжестью которой какая-нибудь тщедушная сестра со слезами, но покорно боролась. Его товарищъ д-ръ Lachmund, прозванный нами Зигъ-Загъ, т. к. онъ невѣроятно передъ нами извивался и изгибался, во всякую погоду ходилъ въ калошахъ, кожанѣ и черныхъ наушникахъ. Одинъ его видъ моллюска, съ огромными синими очками, безконечно насъ смѣшилъ, особенно когда онъ, утроивъ ужимки и зигъ-заги и обращаясь къ намъ: «meine charmante Damen», пускался въ область галантности. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ моллюскъ могъ быть невѣроятно ядовитъ. Оба доктора вмѣшивались рѣшительно во всѣ подробности нашей жизни и работы, все критикуя и ничему не помогая. Единственный изъ нашихъ докторовъ, внушавшій имъ уваженіе, былъ К., особенно послѣ разыгравшагося однажды инцидента: придя утромъ въ перевязочную, Lachmund сдѣлалъ К. какое-то замѣчаніе насчетъ

грязи. Послѣдній, обернувшись, вдругъ на него накинулся: «какъ, вы морите моихъ больныхъ голодомъ, не даете перевязочныхъ матеріаловъ, помѣстили ихъ въ ужасныя условія и смѣете еще меня учить». Тотъ такъ опѣшилъ, что, приговаривая: «bitte beruhigen Sie sich, bitte beruhigen Sie sich», поспѣшно ретировался. Второй инцидентъ былъ серьезнѣе. Нѣмецкія власти заставили нашихъ плѣнныхъ солдатъ собирать снаряды и ручныя гранаты, разбросанныя по всему Вержболову, складывать ихъ въ кучи и взрывать. При этомъ по недосмотру случилось несчастье—четырехъ убило взрывомъ; тѣла ихъ въ ужасномъ видѣ были принесены въ нашъ лазаретъ. Впечатлѣніе было тяжелое; возмущеніе стало общимъ, когда нѣмецкій офицеръ, придя къ намъ за трупами, обратился къ К. съ нахальнымъ видомъ: «je viens chercher ces machabées»; К., не помня себя отъ гнѣва, крикнулъ ему, что только пруссаки способны на такую гнусность. Офицеръ отвѣтилъ, что онъ не пруссакъ, а эльзасецъ—«эльзасецъ гордый носить прусскій мундиръ».—Окончательно разсвирѣпѣвъ, К. поднялъ на него палку со словами: «и это изъ за васъ мы, французы, проливаемъ свою кровь»!—«Напрасно стараетесь»,—кинулъ на прощанье нѣмецъ, благоразумно удаляясь. Не успѣли мы успокоиться послѣ этого случая, какъ получили новый примѣръ нѣмецкой «деликатности». Сидя разъ вечеромъ, часовъ въ 11½ у нашихъ уполномоченныхъ, въ обычномъ составѣ—кн. Л., Б., К., Я. и мы, сестры—мы вдругъ услыхали необычайный шумъ и топанье въ уже мирно спавшемъ лазаретѣ. Вслѣдъ за этимъ съ испуганнымъ лицомъ влетѣлъ А. и объявилъ, что по всему лазарету гуляетъ толпа офицеровъ съ комендантомъ во главѣ, освѣщая всѣ углы ручными фонариками и требуя отъ всѣхъ встрѣчныхъ, чтобы они расходились по своимъ комнатамъ. Не успѣлъ онъ договорить, какъ открылась дверь, и нашимъ глазамъ представилась слѣдующая процессія—раскраснѣвшійся, сердитый и непривычно взъерошенный комендантъ, за нимъ очень сконфуженный адьютантъ и нѣсколько глупо ухмыляющихся нѣмецкихъ рожъ. Не давъ намъ опомниться комендантъ обратился къ намъ съ слѣдующимъ: онъ получилъ свѣдѣнія о томъ, что русскія сестры ведутъ себя крайне безнравственно. Выразилъ онъ это на французскомъ языкѣ и въ такой невѣроятно циничной формѣ, что передать трудно. Затѣмъ, повернувшись спеціально къ намъ сестрамъ, онъ съ вѣжливой улыбкой просилъ насъ взять на себя роль блюстительницъ нравственности лазарета—а именно по ночамъ провѣрять сестеръ, въ виду того, что онъ считаетъ «неудобнымъ» это дѣлать самому. Къ этому онъ прибавилъ, что вообще требуетъ,

чтобы съ девяти часовъ вечера не было въ комнатахъ огня, и никто бы не смѣлъ выходить даже въ коридоръ. Трудно передать охватившія насъ чувства удивленія и возмущенія, не только изъ-за существа дѣла, но изъ-за той грубой формы, въ которую комендантъ облекъ ее. Нужно прибавить, что, чванясь знаніемъ языковъ, онъ постоянно употреблялъ одни слова вмѣсто другихъ—получалось, какъ и въ данномъ случаѣ, нѣчто сногсшибательное. Уполномоченные возразили, что рѣшительно нѣтъ никакого основанія для такихъ строгихъ мѣръ, да и нѣтъ возможности проводить ихъ на дѣлѣ. Дневныя дежурства кончались лишь въ десятомъ часу, не говоря уже о томъ, что ночныя сестры все время обязаны слѣдить за больными. Безчеловѣчно было бы требовать отъ персонала закупориваться въ своихъ комнатахъ въ темнотѣ, вмѣсто того, чтобы хоть въ этотъ часъ послѣ работы перекинуться словомъ другъ съ другомъ или выйти на крыльцо подышать воздухомъ. Настойчиво прося принять къ руководству свои слова и прибавивъ, что съ слѣдующаго дня онъ посадитъ къ намъ въ лазаретъ жить унтеръ-офицера, обязанность котораго будетъ слѣдить какъ за поведеніемъ персонала, такъ и за точнымъ исполненіемъ его приказаній—комендантъ торжественно удалился. На лицѣ его было написано полное удовлетвореніе по поводу такъ «деликатно» исполненной обязанности. Мы же стали обсуждать случившееся, стараясь отыскать причину столь незаслуженнаго оскорбленія. Понемногу выяснилось слѣдующее: въ день нашего взятія въ плѣнъ къ намъ пристала женщина, одѣтая солдатомъ, которая умоляла насъ спасти ее отъ нѣмцевъ, переодѣвъ въ женское платье, что и было сдѣлано. Вскорѣ пришлось раскаяться въ своемъ поступкѣ, такъ какъ женщина эта совершенно не оправдала нашего довѣрія. Она какимъ-то образомъ ухитрялась доставать отъ нѣмецкихъ солдатъ ромъ, который пила сама въ избыткѣ, въ то же время угощая нашихъ санитаровъ и солдатъ. Этимъ она не ограничилась, устроила ночью съ санитарами въ полуразвалившемся домикѣ рядомъ съ лазаретомъ настоящую оргію, прекращенную нашими докторами. Послѣднимъ давно было извѣстно ея поведеніе, но они до сихъ поръ старались сократить ее домашними средствами, чтобы не оглашать скандала передъ врагами. Теперь же, когда она скомпрометировала весь нашъ Красный Крестъ, рѣшено было ее изгнать. На слѣдующій день наши уполномоченные имѣли объясненіе съ комендантомъ, который обѣщалъ удалить нашу черную овцу. Но и это осталось однимъ обѣщаніемъ. До конца нашего пребыванія въ плѣну, эта женщина, которая, кстати, говорила:

«я—дочь министра, знаете-ли», продолжала насъ компрометировать.

Жизнь дѣлалась все тягостнѣе и тягостнѣе. Придирчивость нѣмцевъ съ каждымъ днемъ росла. Они начали требовать, чтобы при составленіи списковъ раненыхъ, обозначались части и полки. Особенно строго провѣряли они, нѣтъ-ли въ лазаретѣ казаковъ, страхъ передъ которыми былъ просто паническимъ. Они не скрывали, что живыми казаковъ не берутъ: если не въ первой линіи, то во второй или третьей ихъ добиваютъ. Мы рѣшительно отказались дать какія бы то ни было свѣдѣнія. Среди нашихъ раненыхъ дѣйствительно было нѣсколько казаковъ. Одежду ихъ мы тщательно сожгли, а чубы обстригли. Въ то же время нѣмецкіе доктора начали пугать насъ тѣмъ, что насъ отправятъ въ концентраціонный лагерь на эпидемію сыпного тифа. Тутъ впервые зародилась у насъ мысль о побѣгѣ. Мы рѣшили, что въ такомъ случаѣ намъ терять нечего, и ужъ, конечно, лучше рискнуть опасностями, сопряженными съ такимъ шагомъ, чѣмъ навѣрняка погибнуть въ дебряхъ Германіи. Удалось тайнымъ образомъ завести сношеніе съ мѣстнымъ населеніемъ, которое обѣщало доставить намъ крестьянское платье. Наши раненые офицеры совѣтовали намъ бѣжать на сѣверъ, по направленію Тильзитъ-Таурогенъ, гдѣ было больше шансовъ проскользнуть черезъ нѣмецкую цѣпь. (Впослѣдствіи мы узнали отъ нѣмцевъ, что какъ разъ въ это время они сосредоточивали въ этомъ пунктѣ массу кавалеріи для похода въ наши Прибалтійскія провинціи). Одновременно съ нами хотѣли бѣжать нѣсколько офицеровъ и солдатъ. Послѣдніе предупреждали насъ, что днемъ придется «сидѣть за кустиками, а ночью ползти на животишкахъ». Трудности побѣга наростали съ каждой минутой, но когда четыре солдата дѣйствительно благополучно бѣжали, мы рѣшили всетаки испробовать это крайнее средство. При этомъ мы очень разсчитывали на помощь мѣстнаго населенія, изъ котораго литовцы и поляки всей душой были на нашей сторонѣ. Во все время плѣна они проявляли необыкновенное участіе къ намъ и нашимъ раненымъ. Послѣднимъ они иногда приносили яйца, молоко и даже чистыя рубашки. Когда же нѣмцы это запретили, они ухитрялись въ сумеркахъ черезъ заборъ передавать намъ эти предметы. Тѣмъ болѣе жалко намъ ихъ стало, когда нѣмцы, заманивъ ихъ на вокзалъ объявленіемъ, что всѣмъ желающимъ работы она будетъ предоставлена сейчасъ же за хорошую плату— забрали и угнали всѣхъ мужчинъ внутрь Германіи, оставивъ голодныхъ и плачущихъ женщинъ и дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни. Когда

почти вслѣдъ за этимъ послѣдовало требованіе уплаты мѣстными жителями четырехтысячной контрибуціи, положеніе ихъ сдѣлалось совершенно безвыходнымъ. Одновременно къ нашему священнику пришелъ прусскій офицеръ, требуя, чтобы послѣдній указалъ ему въ мѣстной церкви цѣнные образа и утварь, объясняя свое требованіе желаніемъ оградить это отъ «русскаго грабежа». Священникъ наотрѣзъ отказался.

Въ эти дни Вержболово совершенно измѣнило свою физіономію: регулярныя войска проходили лишь въ видѣ исключенія, но зато появилась толпа безоружныхъ оборванцевъ, которыхъ обучали военнымъ пріемамъ подъ нашими окнами; намъ сказали, что это нѣмецкіе каторжники, выпущенные на свободу ради спасенія отечества. По праздникамъ мы наблюдали, какъ они въ противоположномъ домѣ танцовали подъ звуки піанино, на коемъ игралъ одинъ изъ нихъ и пѣли съ чувствомъ: «Deutschland über alles»; даже эти подонки общества были заражены маніей величія «Vaterland'a». Число мирныхъ жителей—нѣмцевъ росло съ каждымъ днемъ. Появились даже какія-то женщины съ картонками и подозрительные штатскіе въ рыжихъ котелкахъ. Все чаще и чаще по шоссе начали проноситься автомобили и элегантные выѣзды съ генералами, въ обществѣ разряженныхъ дамъ. По воскресеньямъ цѣлыя нѣмецкія семьи мирно разгуливали подъ нашими окнами, подтверждая своимъ присутствіемъ отдаленность позицій. И особенно больно было, когда всѣ эти люди съ любопытствомъ и плохо скрываемой насмѣшкой разсматривали нашихъ плѣнныхъ, партіи которыхъ—унылыя, сѣрыя и безконечно несчастныя—проходили тутъ же. И офицеры и солдаты часто шли по снѣгу безъ шинелей и безъ сапогъ, отнятыхъ у нихъ нѣмцами. Среди плѣнныхъ больше всего было солдатъ N-й дивизіи, которые, какъ извѣстно, храбростью не отличались, а также солдаты геройскаго 20 корпуса, дравшіеся какъ львы, и несмотря на превосходныя силы непріятеля державшіеся до послѣдней возможности. Несмотря на формальное запрещеніе и подчасъ грубые окрики конвоя, мы всегда открывали форточки и вступали съ ними въ переговоры. Однажды въ слѣдъ за плѣнными повезли на телѣгѣ нашъ подбитый аэропланъ. Жалко его было, какъ живого. Въ каждый пролетающій надъ Вержболовомъ аэропланъ мы вглядывались съ трепетомъ, надѣясь въ немъ признать русскій, но этотъ, очевидно, погибъ, не долетѣвъ до насъ. Тутъ же тянулись безконечные обозы: огромныя тщательно крытыя брезентомъ повозки, очень насъ интриговавшія. Мы знали, что въ этихъ повозкахъ возили раненыхъ,

но кромѣ того мы слышали отъ мѣстныхъ жителей, что большая часть этихъ арбъ были нагружены убитыми, будто-бы увозимыми нѣмцами въ тылъ для сжиганія. Какимъ-то неяснымъ ужасомъ вѣяло отъ этихъ таинственныхъ сѣрыхъ обозовъ, почти непрерывной цѣпью идущихъ и днемъ и ночью мимо нашихъ оконъ.

Въ лазаретѣ тѣмъ временемъ началась эпидемія возвратнаго и брюшного тифа, какъ среди больныхъ, такъ и среди персонала— заболѣли сразу три сестры. Положеніе было критическое, потому что дезинфекцій не было рѣшительно никакихъ, и всѣ ясно отдавали себѣ отчетъ, что возникни болѣе серьезное заболѣваніе, въ родѣ сыпного тифа или рожи—никакихъ средствъ бы не было его прекратить. Вообще всѣ болѣе слабые организмы пошатнулись—это выражалось въ рядѣ мелкихъ недомоганій.

Несмотря на страшную скученность, въ которой мы жили, къ намъ еще поселили двухъ католическихъ священниковъ, захваченныхъ за возбужденіе населенія противъ нѣмцевъ. Эти появившіяся среди насъ двѣ темныя молчаливыя фигуры такъ и остались для насъ загадкой до конца; всѣ попытки съ нашей стороны съ ними сблизиться разбивались объ ихъ замкнутость и какое-то недовѣріе. Младшій ксендзъ раза два шелъ навстрѣчу этимъ попыткамъ, но старшій, повидимому, державшій его въ строгой дисциплинѣ, немедленно же однимъ взглядомъ останавливалъ его, и они вновь уходили въ свою скорлупу.

Выдержавъ строгое затворничество около мѣсяца, мы наконецъ взбунтовались. Бунтъ довольно безобидно выразился въ томъ, что, отыскавъ лазейку въ заборѣ, мы въ свободные отъ работы часы удирали въ сосѣдній съ лазаретомъ огромный пустой пакгаузъ. Подъ его навѣсомъ, а также вдоль полотна, проходившаго около него, мы быстрымъ шагомъ носились взадъ и впередъ около часу. Это были первые весенніе дни—солнце начинало припекать, съ крышъ капало, и воробьи, весело чирикая, суетливо вили гнѣзда подъ крышей. Но самое привлекательное для насъ была даль, открывающаяся съ пакгауза. Точно изъ тюрьмы вырывались мы сюда, и здѣсь вздыхали свободно. Съ теплымъ чувствомъ на сердцѣ подолгу вглядывались въ сторону Россіи. Пакгаузъ отдѣлялъ насъ отъ вокзала и нѣмцевъ, и мы безнаказанно продѣлывали эти запрещенныя прогулки почти ежедневно, возвращаясь ободренныя и освѣженныя.

Постояннымъ товарищемъ по этой импровизированной «Jetée promenade» была наша «бачка» (упрощая собачка), такъ прозванная кн. Л.,—необыкновенной уродливости дворняжка, явившаяся въ

одинъ прекрасный день въ лазаретъ въ сопровожденіи огромнаго чернаго пса. Послѣдній тотчасъ же присталъ къ французскому лазарету, «бачка» же сдѣлалась нашимъ вѣрнымъ и нѣжнымъ другомъ, раздѣляя съ нами и голодъ и холодъ. Вообще обѣ собаки отличались опредѣленными, рѣзко выраженными симпатіями и антипатіями. Нѣмцевъ онѣ обѣ не переносили, подымая при видѣ ихъ страшный лай, и норовя схватить ихъ за пятки, преданность же къ намъ доводили до того, что даже дежурили съ нами по ночамъ.

Комическимъ эпизодомъ послѣднихъ дней нашего плѣна была стирка. Это было цѣлымъ событіемъ, сопряженнымъ съ невѣроятными осложненіями. Съ большимъ трудомъ набравъ воды, всѣ въ лазаретѣ поочереди стирали свои вещи. Особенно смѣшны и неуклюжи были мужчины въ этой непривычной для нихъ роли. Да и мы отъ нихъ недалеко ушли. Въ двухъ капляхъ воды съ огрызкомъ мыла неумѣло боролись мы съ кучей грязнаго бѣлья, а затѣмъ, протянувъ веревку въ комнатѣ уполномоченныхъ (другого мѣста не было, а оставлять на дворѣ было небезопасно), развѣшивали его тамъ и отдыхали на лаврахъ, играя въ карты подъ этимъ мокрымъ балдахиномъ.

Послѣ шести недѣль этого режима, мы окончательно утеряли всякую надежду легальнымъ образомъ отъ него освободиться. Комендантъ и его офицеры прекратили свои посѣщенія, а при встрѣчѣ упорно избѣгали разговора объ освобожденіи. Визиты докторовъ также стали болѣе рѣдкими.—Мы окончательно чувствовали себя забытыми всѣми и отрѣзанными отъ всего міра, какъ вдругъ однажды днемъ въ лазаретъ явился Drabig, съ приглашеніемъ отъ коменданта придти къ нему пить чай. При видѣ нашего изумленія онъ, вдругъ весь просіявъ, сказалъ намъ, что полученъ приказъ о нашемъ освобожденіи, прося, когда увидимъ коменданта, скрыть, что онъ намъ это сообщилъ, т. к. тотъ хочетъ первымъ объявить намъ эту радость. Мы отправились съ нимъ въ одинъ изъ ближайшихъ домиковъ, куда переселился комендантъ. Тамъ мы застали большое общество офицеровъ, встрѣтившихъ насъ весьма торжественно и даже приложившихся къ нашей рукѣ (они были увѣрены, что уловили этимъ квинтъ-эссенцію русской вѣжливости). Не успѣли мы войти, какъ комендантъ, попросивъ насъ сѣсть, прочелъ намъ телеграмму, только что имъ полученную изъ Берлинскаго военнаго министерства; точный текстъ былъ слѣдующій: «русскихъ сестеръ отправить черезъ Sassnitz Швецію въ Россію, мужчинъ

же задержать въ Stralsund'ѣ. Прибавивъ, что ѣхать можно будетъ уже завтра, комендантъ пригласилъ насъ въ столовую, гдѣ былъ накрытъ довольно скудный чай. Здѣсь въ продолженіе часа намъ пришлось выдержать натискъ развернувшейся нѣмецкой галантности. Повидимому, и комендантъ и его товарищи чувствовали, что съ нашимъ освобожденіемъ гора свалилась съ ихъ плечъ, и, на радостяхъ отъ насъ наконецъ отдѣлаться, они изъ роли недостойныхъ парій возвысили насъ почти до себя. Когда комендантъ, какъ будто извиняясь, сказалъ, что всетаки обязанъ отправить насъ до шведской границы подъ конвоемъ, всѣ офицеры наперерывъ хотѣли насъ сопровождать. Много сыпалось плоскихъ комплиментовъ по адресу храбрости русскихъ сестеръ и выражалась надежда насъ снова встрѣтить, надежда, которой мы совершенно не раздѣляли. Свои тирады они заканчивали увѣренностью, что мы уѣзжаемъ безъ скверныхъ воспоминаній о нѣмецкихъ офицерахъ, всегда преклоняющихся передъ женщинами. Мы не удержались и припомнили имъ всѣ «verfluchte Halunken» и «russische Schweine», которыя пришлось слышать въ первые дни плѣна именно отъ офицеровъ. Они недовѣрчиво восклицали: «ach was!» и эту рискованную тему уже больше не затрагивали. Мы выдержали тонъ спокойствія и холоднаго достоинства лишь до двери. Очутившись на улицѣ, мы къ великому удивленію нѣмецкихъ часовыхъ сплошными радостными пируэтами понеслись къ лазарету, гдѣ молніей разнеслась счастливая вѣсть. Радость впрочемъ была недолговременная: выяснилось тутъ-же, что уѣзжать всѣмъ невозможно, т. к. были еще раненые, требующіе ухода (за послѣдніе дни нѣмцы эвакуировали очень многихъ внутрь Германіи). Мы пріуныли, ожидая повторенія случая съ отъѣздомъ въ Сувалки. Рѣшено было вечеромъ устроить совѣщаніе, чтобы сообща рѣшить кому ѣхать и кому остаться. До этого совѣщенія всѣ успѣли разнервничаться. Между сестрами рѣшено было бросить жребій. Тѣмъ болѣе неожиданнымъ былъ результатъ совѣщанія: К., какъ единственный хирургъ, самоотверженно рѣшилъ остаться, не соглашаясь отпустить и своихъ сестеръ, съ которыми привыкъ работать. Нѣсколько врачей и еще двѣ-три сестры также вызвались остаться. Такимъ образомъ мы были свободны ѣхать. Съ вечера всѣ уложились, т. к. утромъ предстояла еще очередная работа, почти всю ночь не спали. Каково же было наше разочарованіе, когда за полчаса до предполагаемаго отъѣзда намъ объявили, что онъ откладывается. Такимъ образомъ протомили насъ еще четыре дня. Вещей мы не раскладывали, работы было мало, и всѣ коротали дни, кто какъ могъ. Наконецъ, на четвертый день къ вечеру

намъ объявили, чтобы черезъ 10 минутъ мы были готовы къ отъѣзду. Поднялась невѣроятная суета. Собирали вещи и съ грустью прощались съ остающимися, какъ ранеными, такъ и персоналомъ. Священникъ, собравъ всѣхъ на дворѣ, отслужилъ напутственный молебенъ. Было уже совсѣмъ темно, и поднялся страшный вихрь. Конвой, состоящій изъ Drabig'а и солдатъ, тѣснымъ кольцомъ окружалъ насъ и торопилъ службу. Факела, которыми они насъ освѣщали, ежеминутно задувались бурей, и нѣмцы громко ругали и вѣтеръ и насъ за наше промедленіе. Наконецъ всѣ двинулись къ вокзалу, таща собственныя вещи. Здѣсь насъ нѣсколько разъ пересчитали, прибавивъ къ нашему числу еще нѣсколько плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ. Каждый разъ выходило новое число и это обстоятельство вызывало новую бурю ругани со стороны нѣмцевъ. Такъ и не опредѣлили нашего точнаго количества, хотя мы лично твердо знали, что насъ было 17 сестеръ, 8 докторовъ, 2 уполномоченныхъ и нѣсколько санитаровъ. Насъ всѣхъ запихали въ вагонъ 3-го класса, и поѣздъ двинулся. Въ послѣднюю минуту Drabig и Lachmund вскочили въ наше купэ и проводили насъ такимъ образомъ до Eydkuhnen'а, гдѣ Drabig сердечно съ нами простился, а Lachmund не преминулъ изогнуться въ тысячѣ и одной ужимкѣ. Ихъ мѣсто заняли ландштурмисты съ заряженными ружьями, во все время пути не покидавшіе насъ ни днемъ, ни ночью.

Мы очутились по 5 человѣкъ, не считая солдатъ, въ крошечныхъ купэ 3-го класса съ дверями въ обѣ стороны, изъ которыхъ немилосердно дуло. Къ счастью у насъ съ собой былъ чай и двѣ бутылки молока, такъ какъ первые два дня пути насъ не кормили. Когда мы на второй день къ вечеру подъѣхали къ большой станціи, гдѣ женщина съ Кр. Крестомъ на рукавѣ изъ кувшина разливала кофе всѣмъ желающимъ, и высунувшись изъ окна со своими кружками просили ее одѣлить и насъ, хотя бы за плату, она съ жесткимъ выраженіемъ отвѣтила: «für russische Gefangene, gewiss, nicht». Даже наша стража возмутилась этой жестокосердностью и, взявъ наши кружки, принесла намъ кофе. На третій день насъ накормили горячимъ гороховымъ супомъ, на который мы съ жадностью набросились. Воды намъ не давали ни капли и выходить изъ вагона было строго запрещено, но раза два намъ удалось спрыгнуть на остановкахъ и вымыть лицо и руки въ снѣгу, котораго, несмотря на позднее время года, была масса. Первую ночь всѣ провели сидя.

Далѣе не удалось сомкнуть глазъ, т. к. на каждой станціи въ нашъ поѣздъ старались ворваться толпы мѣстныхъ жителей: испуганные рус-

скимъ набѣгомъ на Мемель, они въ паникѣ кинулись спасаться внутрь страны, захвативъ съ собой лишь самое необходимое. Ко второй ночи мы такъ устали, что рѣшили какъ-нибудь изощриться, чтобы поспать. Видъ нашихъ двухъ смежныхъ купэ въ эту ночь былъ фантастическій. Часть сестеръ забралась въ сѣтки для багажа, промежутки между скамейками наполнили чемоданами и на нихъ въ скрюченномъ видѣ разлеглись во всѣхъ направленіяхъ, дрожа отъ холода. Кн. Л. же, подвѣсивъ парусину отъ своей походной кровати къ потолку, качался надъ внизу лежащими, угрожая имъ ежеминутной катастрофой. Тѣмъ не менѣе всѣ заснули, какъ убитые. Былъ уже поздній часъ ночи, когда всѣ были разбужены открывшейся дверью купэ, въ которую ввалился санитаръ кн. Л. Михаилъ. Захлебываясь отъ волненія, онъ разсказалъ, что какъ только поѣздъ остановился около свѣтящейся недалеко станціи, всѣмъ солдатамъ и санитарамъ велѣно было выйти и, выстроивъ ихъ въ рядъ, нѣмцы погнали ихъ куда-то въ темноту. (Къ нашему поѣзду прицѣпили 2—3 вагона съ военно-плѣнными). Какимъ-то чудомъ Михаилу удалось отдѣлиться отъ остальныхъ и проскользнуть къ намъ. Высунувшись изъ двери, мы дѣйствительно услыхали удаляющійся подъ нѣмецкій окрикъ русскій говоръ. Хотѣли броситься вслѣдъ, чтобы спасти нашихъ санитаровъ, но стража насъ не пустила. Сами они не хотѣли и не могли ничего сдѣлать, отказываясь даже назвать станцію. Такъ наши бѣдные санитары исчезли безслѣдно въ категоріи военноплѣнныхъ, несмотря на свой Кр. Крестъ. Только по пріѣздѣ въ Стральзундъ мы узнали, что эта станція была Gefangenenlager Hammerstein, гдѣ тысячи нашихъ солдатъ томятся въ ужаснѣйшихъ условіяхъ. Мы проѣзжали черезъ Кенигсбергъ, Данцигъ, Маріенбургъ, Штетинъ. Черезъ главныя крѣпости насъ умышленно провозили ночью. Только проѣздъ черезъ Маріенбургъ при свѣтѣ дня былъ обставленъ предосторожностями. Спустили шторы, запретили выглядывать изъ окна подъ страхомъ разстрѣла. Воспользовавшись тѣмъ, что нашъ конвой заболтался на перронѣ, мы изъ-за спущенной занавѣски не безъ трепета разсматривали блиндированные поѣзда и платформы съ колоссальными орудіями, загромождавшія станцію. Вообще, во все время пути насъ поразило несмѣтное количество воинскихъ поѣздовъ, наполненныхъ солдатами и военнымъ матеріаломъ и несущихся во всѣ стороны съ невѣроятной быстротой, оглушая насъ дикими криками и пѣснями. Большинство вагоновъ были бельгійскіе, по словамъ нашего конвоя, болѣе удобные, чѣмъ нѣмецкіе; насколько велико было военное оживленіе на желѣзныхъ дорогахъ, настолько же казалась вымершей

мирная жизнь страны. На пустыхъ поляхъ изрѣдка виднѣлись одинокія женщины и дѣти. Крѣпости, видѣнныя нами, производили впечатлѣніе огромной мощи, рядъ фортовъ, вынесенныхъ за много верстъ, цѣлые лѣса проволочныхъ загражденій. Страхъ передъ сильнымъ врагомъ чувствовался даже здѣсь въ сердцѣ Германіи въ этихъ давнихъ приготовленіяхъ. Разсматривая эти съ виду неприступныя массы и воздавая должное ихъ поразительной техникѣ, у насъ росло твердое убѣжденіе, что все-таки не въ этомъ главное въ такой борьбѣ. Нѣмецкій, чисто военный организмъ, каждый нервъ котораго такъ страшно напряженъ для достиженія своихъ узко-эгоистическихъ матеріальныхъ цѣлей, неминуемо долженъ сдать передъ нравственной силой и высшими идеалами человѣчества, являющимися нашимъ знаменемъ.

На третій день желѣзная дорога пошла сплошь берегомъ моря, близость котораго уже давно чувствовалась, и около 3-хъ часовъ дня мы подъѣхали къ Стральзунду. Здѣсь по инструкціи Берлинскаго военнаго министерства должны были задержать нашихъ докторовъ и уполномоченныхъ, а насъ немедленно отправить дальше. Представлялось, какъ тутъ же на вокзалѣ насъ разъединятъ, и радость близкаго освобожденія омрачалась жалостью къ нашимъ уполномоченнымъ и докторамъ, которые за все время плѣна такъ много намъ помогали и такъ насъ ограждали. Каково же было наше удивленіе, когда встрѣтившій насъ на перронѣ офицеръ отправилъ поѣздъ почти немедленно дальше. На нашъ вопросъ, куда мы ѣдемъ, наша стража намъ отвѣтила, что поѣздъ направленъ къ парому, который перевозилъ вагоны на островъ Рюгенъ въ Сасницъ. Всѣхъ охватило радостное волненіе, и невольно зародилась надежда, что насъ всѣхъ вмѣстѣ освободятъ. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ парому, тѣмъ болѣе росло волненіе. Наконецъ поѣздъ остановился на самомъ берегу моря; у крошечной станціи стоялъ готовый къ отходу огромный паромъ. Еще два-три шага, и Стральзундъ остался бы позади, но здѣсь, конечно, ждалъ насъ очередной нѣмецкій сюрпризъ. Когда всѣ вышли изъ поѣзда и собрали въ кучку свои вещи, нѣмецкій маіоръ съ сильно выраженнымъ японскимъ типомъ лаконично велѣлъ намъ оставить свои вещи и слѣдовать за нимъ, не опредѣляя куда. Длинной вереницей двинулись мы по улицамъ Стральзунда въ обратномъ отъ парома направленіи. Впереди шелъ маіоръ и еще два-три офицера, сзади же и по бокамъ—солдаты. Вмѣстѣ съ нами шла и группа военно-плѣнныхъ офицеровъ, прибывшихъ въ одномъ съ нами поѣздѣ. Накрапывалъ дождь—вели насъ посреди улицы, гдѣ грязь была непролазная. Толпа мальчишекъ, дѣвченокъ и любопыт-

ныхъ обывателей слѣдовала за нами. Изрѣдка обмѣниваясь шутками по поводу комичности этого шествія, но съ большой тревогой въ душѣ, маршировали мы такъ минутъ 20, пока не дошли до маленькаго парома, на который насъ загнали, какъ стадо барановъ. Кн. Л. по дорогѣ затѣялъ игру съ окружавшими насъ дѣтьми, спрашивая ихъ, боятся ли они русскихъ, и дѣлалъ страшные глаза, направляясь въ ихъ сторону. Дѣти съ визгомъ разсыпались, а маіоръ вскорѣ прекратилъ это занятіе, велѣвъ убрать дѣтей. Паромъ отошелъ; за нашей спиной остался блестѣвшій въ только что появившемся солнцѣ Стральзундъ—налѣво—оплотъ всѣхъ нашихъ мечтаній островъ Рюгенъ съ Сассницемъ,—а передъ нами небольшой скалистый островъ, о который, пѣнясь и шумя, разбивалось море. Войдя на эту нѣмецкую Св. Елену, намъ всѣмъ стало жутко, особенно, когда мы увидѣли огромный плакатъ, висѣвшій надъ единственной дорогой, ведущей внутрь острова, на которомъ красовалась надпись: Wegen Seuchengefahr Eintritt und Austritt streng verboten. Это звучало вродѣ: «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate»; шутки замолкли, и молчаливой группой несчастныхъ людей потянулись мы за нашими вожатыми. Круто поднявшись въ гору, дорога сворачивала, и мы очутились на песчаной площадкѣ между двумя аналогичными кирпичными домами. Здѣсь насъ встрѣтилъ боченкообразный офицеръ, который съ радостной улыбкой объявилъ намъ, что онъ прекрасно говоритъ по-русски и будетъ служить переводчикомъ между маіоромъ и нами. Отдѣливъ женщинъ отъ мужчинъ, онъ попросилъ вниманія. Затѣмъ представилъ намъ ежеминутно козырявшаго и величественно кланявшагося маіора, какъ коменданта Gefangenenlager'a. Предписаніе было кратко, но ясно: подчиняться всѣмъ правиламъ острова и не смѣть ни въ чемъ прекословить. Для прогулокъ отведенъ этотъ маленькій дворикъ, кормить насъ будутъ два раза въ день—утромъ кофе, а днемъ—обѣдъ. Сейчасъ насъ всѣхъ отведутъ въ заранѣе опредѣленныя для насъ помѣщенія, и всякое общеніе строго воспрещено. Обратясь къ намъ, сестрамъ, онъ предупредилъ насъ, что сегодня же пріѣдетъ изъ Берлина выписанная спеціально для насъ барышня, хорошо знающая русскій языкъ, и черезъ нее мы можемъ изъявлять свои желанія. Высказавъ намъ все это, онъ намъ предложилъ немедленно же разойтись. Намъ, сестрамъ, было предоставлено 3 комнаты съ деревянными нарами, покрытыми сѣнниками,—комнаты холодныя, но чистыя. Черезъ часъ принесли обѣдъ, который намъ показался великолѣпнымъ послѣ Вержболовскаго голоданья. Онъ состоялъ изъ супа изъ свѣжаго мяса, затѣмъ телятины и яблочнаго

муса, послѣдній былъ сдѣланъ по распоряженію маіора, спеціально для насъ, сестеръ. Пообѣдавъ, мы хотѣли выдти на воздухъ, но солдатъ у входа насъ остановилъ и сказалъ намъ, что намъ запрещено двигаться до прихода доктора. Послѣдній дѣйствительно скоро появился, предупредивъ насъ, что сдѣлаетъ намъ прививки холеры, тифа и оспы, и что все это будетъ продолжаться 17 дней, послѣ чего насъ, вѣроятно, отправятъ внутрь Германіи. Тутъ мы поняли, что мы жертвы какого-то недоразумѣнія и, увидавъ въ окно коменданта, пробрались къ нему за объясненіями. Онъ очень удивился, когда мы ему разсказали о телеграммѣ изъ военнаго министерства, на основаніи которой насъ отправили изъ Вержболова съ тѣмъ, что мы черезъ Швецію вернемся прямо въ Россію. Самъ онъ, по его словамъ, только получилъ приказаніе принять извѣстное количество плѣнныхъ женщинъ и мужчинъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, и потому подчинилъ насъ правиламъ, которымъ должны слѣдовать наши плѣнные офицеры. Впрочемъ, онъ оказался вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ и, попросивъ насъ сдѣлать письменное заявленіе о видѣнной нами телеграммѣ, въ свою очередь обѣщалъ послать о насъ запросъ въ Берлинъ и Вержболово. Онъ также разрѣшилъ подождать съ прививками и общей дезинфекціей нашихъ вещей до того момента, когда опредѣлится наша судьба. Съ этимъ пришлось примириться. Дѣлать было рѣшительно нечего, такъ какъ всякое сообщеніе съ другими плѣнными воспрещалось, а комнаты были такія холодныя, что иначе, какъ въ шубахъ, сидѣть въ нихъ было невозможно. Ужина намъ не дали, и мы рано легли спать, думая скоротать этимъ томительные часы ожиданія. Столь страстно желанное освобожденіе вновь ускользало изъ рукъ въ тотъ самый моментъ, когда достиженіе его казалось близкимъ. Мы всѣ были на границѣ отчаянія. Нѣкоторыя поговаривали даже о томъ, что весь этотъ отъѣздъ изъ Вержболова былъ лишь ловушкой, устроенной съ цѣлью вырвать насъ изъ знакомой обстановки, можетъ быть, даже въ тотъ моментъ, когда русскія войска приближались.

Намъ прислуживали наши военно-плѣнные солдаты; отъ нихъ мы узнали, что островъ, на которомъ находимся, назывался Dänholm. Въ мирное время на немъ находились казармы, теперь же эти казармы превращены въ жилище для русскихъ военноплѣнныхъ офицеровъ. Dänholm самый большой въ Германіи офицерскій Gefangenenlager. Рѣшительно всѣ офицеры, попадающіе въ плѣнъ, непремѣнно проходятъ черезъ карантинъ, учрежденный здѣсь же. Два зданія, въ которыхъ насъ поселили, и были какъ разъ помѣщенія, находящіяся въ

карантинѣ. Послѣдній состоитъ въ томъ, что всѣхъ, туда попадающихъ, посылаютъ въ ванну, послѣ которой одѣваютъ въ очень комичные костюмы изъ бѣлаго холста съ золотыми пуговицами, а вещи всѣ отправляютъ въ дезинфекцію, изъ которой онѣ возвращаются въ весьма печальномъ видѣ. Затѣмъ дѣлаютъ прививки холеры, тифа и оспы, нѣсколько разъ повторяемыя; всѣ вновь прибывающіе находятся подъ наблюденіемъ врача. При благополучномъ исходѣ карантина военноплѣнные направляются на другую часть острова, гдѣ въ такихъ же казармахъ (офицеры по 8—10 чел. въ комнатѣ, генералы по 2—3) остаются мѣсяца два—три, а затѣмъ разсылаются по другимъ концентраціоннымъ лагерямъ Германіи.

Проснулись мы на слѣдующее утро въ лучшемъ настроеніи; солнце ярко блестѣло въ окна—весна была въ полномъ разгарѣ, морской воздухъ бодрилъ и освѣжалъ. Мы не успѣли одѣться, какъ вбѣжавшая въ комнату сестра объявила, что нѣмцы требуютъ выдачи всѣхъ имѣющихся личныхъ денегъ, и что мы, такимъ образомъ, даже если насъ и освободятъ, не будемъ въ состояніи доѣхать до Россіи. Мы рѣшили выяснить этотъ инцидентъ. Заставъ внизу новоприбывшую барышню—нашу новую гувернантку—мы спросили ее, нельзя ли обождать съ этой мѣрой. Сначала она возразила, что мы, какъ военноплѣнные, должны подчиняться всѣмъ правиламъ острова. Когда же мы объяснили, что мы не военноплѣнные, а Красный Крестъ, она любезно согласилась переговорить съ комендантомъ.

Переговоры имѣли благопріятный результатъ, и намъ разрѣшили сохранить свои русскія деньги, за исключеніемъ небольшой суммы, необходимой для ближайшихъ расходовъ. Тутъ же находилась кантина, гдѣ военноплѣнные могли покупать кое-какіе предметы первой необходимости. Барышня, приставленная къ намъ, оказалось очень привѣтливой особой, симпатизировавшей русскимъ, съ которыми была хорошо знакома, благодаря двумъ путешествіямъ по Россіи.

По-русски она говорила свободно, хотя съ сильнымъ акцентомъ. Мы узнали отъ нея, что она добровольно служитъ въ Нѣмецкомъ Красномъ Крестѣ для оказанія помощи русскимъ военноплѣннымъ,—до сихъ поръ она имѣла мало случаевъ примѣнять свою дѣятельность, такъ какъ въ Красномъ Крестѣ много такихъ платныхъ мужскихъ должностей, у которыхъ она стѣснялась отнимать заработокъ. Настоятельно прося насъ обращать къ ней всѣ наши просьбы и желанія, она тутъ же со спискомъ порученій отъ насъ съѣздила въ Стральзундъ и привезла намъ апельсиновъ, яицъ и т. п. Одновременно появился и толстый пере-

водчикъ, привезшій кипы русскихъ книгъ и два самовара. Одинъ былъ для насъ, другой для военноплѣнныхъ офицеровъ. Дворикъ, соединявшій оба зданія и залитый солнцемъ, кишѣлъ народомъ: здѣсь былъ и весь Красный Крестъ и довольно много военноплѣнныхъ офицеровъ, радостно насъ встрѣтившихъ. Между всѣми смѣшно выдѣлялся какой то странный типъ въ зеленомъ пальто, тирольской шляпѣ, съ задорнымъ перышкомъ на боку и ярко лимонныхъ сапогахъ—онъ безостановочно хохоталъ и говорилъ, вызывая смѣхъ вокругъ себя, какъ своей наружностью, такъ и своими выходками. Мы сначала не понимали, принадлежитъ-ли онъ къ категоріи угнетаемыхъ или угнетателей. Изъ разговора съ нимъ выяснилось, что онъ богатый гродненскій помѣщикъ, въ паркѣ котораго нѣмцы поставили свою артиллерію, тотчасъ нами разстрѣлянную. Заподозривъ поляка въ томъ, что онъ выдалъ ихъ, нѣмцы захватили его и, отправивъ внутрь Германіи, судили военнымъ судомъ. Лишь за два дня до нашего прибытія онъ былъ оправданъ и, на радостяхъ купивъ себѣ поразившіе насъ башмаки, бурно праздновалъ свое возвращеніе къ жизни. Вскорѣ появился на дворѣ и маіоръ, подошедшій къ намъ съ сентенціей, что онъ всю жизнь боялся женщинъ и надо же было именно ему подвергнуться такому несчастью, чтобы въ его владѣніяхъ поселились 18 «русскихъ» женщинъ (мы дѣйствительно были первыя женщины, вступившія на этотъ островъ), послѣ чего онъ предложилъ намъ всѣмъ сестрамъ и двумъ уполномоченнымъ прогуляться по острову. Съ врачемъ и офицерами онъ дружелюбно перекинулся нѣсколькими словами, но выходить за предѣлы двора, окруженнаго стражей, запретилъ. Островъ былъ небольшой съ раскинутыми на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга казармами. Маіоръ обратилъ наше вниманіе на красоту Стральзунда и особенно его старинныхъ церквей, а затѣмъ, указавъ на близъ лежащій Рюгенъ, разсказалъ намъ, какъ на дняхъ бѣжали два русскихъ офицера черезъ ледъ и добрались до Сассница, гдѣ были схвачены.

После Вержболовской дыры, въ которой мы жили, островъ показался намъ почти красивымъ; особенно притягивали насъ берега, сплошь заросшіе распускающимися вербами; море, мѣстами темносинее, мѣстами ярко искрящееся, съ тихимъ плескомъ выбрасывалось къ нашимъ ногамъ. Полной грудью вдыхали мы живительный воздухъ. На обратномъ пути маіоръ предложилъ намъ осмотрѣть «эпидемическій лазаретъ», приготовленный на случай заболѣванія въ карантинѣ офицеровъ; несмотря на паническій страхъ нѣмцевъ передъ русскими эпидеміями, страхъ, съ которымъ намъ приходилось сталкиваться

на каждомъ шагу, съ самаго начала войны въ этомъ лазаретѣ не было ни одного больного. Лазаретъ былъ деревянный баракъ, прекрасно оборудованный и совершенно изолированный. Во время этой прогулки мы узнали отъ коменданта, что на островѣ находится почти весь офицерскій составъ геройскаго 20-го корпуса съ Булгаковымъ во главѣ, а также и нѣсколько другихъ генераловъ, съ которыми мы просили свиданія, въ чемъ намъ было отказано. Весь этотъ и слѣдующій день мы провели на воздухѣ, то бродя по дворику, то совершая болѣе длинныя прогулки съ маіоромъ, который вполнѣ примирился съ нашимъ присутствіемъ. Онъ даже сдѣлалъ для насъ исключеніе, разрѣшивъ намъ Кр. Крестному персоналу встрѣчаться въ кантинѣ и сидѣть тамъ по вечерамъ. Вокругъ маленькихъ расставленныхъ столиковъ въ первый же вечеръ собралось нѣсколько человѣкъ. Ежеминутно вбѣгали наши солдаты, оставленные въ услуженіи нашимъ же офицерамъ и успѣвшіе уже вполнѣ освоиться съ мѣстной атмосферой. Странно было видѣть нашихъ «земляковъ», пьющихъ пиво въ огромныхъ кружкахъ, курящихъ трубки и на небываломъ діалектѣ объясняющихся съ хозяевами лавки—толстымъ нѣмцемъ и двумя весьма развязными молодыми продавщицами.

Когда хозяинъ, сначала недовѣрчиво насъ разглядывавшій, завелъ для увеселенія публики граммофонъ, наши неунывающіе земляки пустились въ плясъ. Нѣмки не устояли и начали жеманно и безъ всякой граціи тоже выдѣлывать что-то вродѣ one step'a. Земляки окончательно разошлись и съ гиканьемъ и присвистываніемъ пустились въ присядку, вызвавъ этимъ бурю восторга у присутствующихъ.

Сначала мы искренно веселились этой сценой, но, выйдя на дворъ, гдѣ на бездонномъ небѣ такъ ярко свѣтила луна и царила такая глубокая тишина, насъ охватило сознаніе всей несообразности этой сцены: трагическія жертвы такой ужасной войны, которыя здѣсь въ тѣсныхъ рамкахъ своего заключенія короткими урывками поддаются вѣчному зову жизни и молодости, лишній разъ выказывая тотъ огромный запасъ добродушія и живучести, которыми такъ богатъ русскій человѣкъ.

На третій день мы были разбужены извѣстіемъ, что комендантомъ получена телеграмма съ приказомъ немедленно насъ отправить въ Швецію. Отъѣздъ былъ назначенъ почти тотчасъ же, и сборы были коротки. Пока мы укладывались, нѣмецкій солдатъ тщательно собиралъ въ корзинку остатки хлѣба, крошечныя порціи котораго по пріѣздѣ были намъ выданы на 5 дней. На дворѣ насъ тѣснымъ кольцомъ окру-

жили офицеры и доктора, буквально засыпавшіе насъ письмами и порученіями домой. Здѣсь еще разъ комендантъ проявилъ свою порядочность. Подойдя къ намъ, онъ замѣтилъ, что не имѣетъ права разрѣшить намъ взять всѣ эти письма съ собой, т. к. они должны пройти черезъ цензуру. Пришлось покориться. Къ нашему удивленію, подержавъ ихъ минуту въ рукахъ, онъ вернулъ ихъ намъ, не просмотрѣвъ больше двухъ-трехъ. Затѣмъ повторилась та же сцена, что и въ Вержболовѣ: безконечныя прощанія, грубо прерванныя нѣмцами, положительно не выносившими этихъ проявленій «русской чувствительности». Съ чемоданами въ рукахъ мы вновь отправились по песчаной тропинкѣ, ведущей къ парому, оставивъ позади толпу соотечественниковъ, которые долго еще махали и кричали намъ вслѣдъ. Черезъ Стральзундъ мы прошли тѣмъ же военноплѣннымъ порядкомъ, т. е. посреди улицы, окруженные конвоемъ и возбуждая ту же сенсацію среди обывателей. Поѣздъ, поставленный на паромѣ, доставилъ насъ въ Сассницъ. Нашимъ уполномоченнымъ было разрѣшено проводить насъ до шведскаго парохода; нѣмцы взяли съ нихъ предварительно честное слово, что они не сбѣгутъ. Впрочемъ, это было бы невозможно, т. к. спеціально къ нимъ было приставлено три офицера, не отходившіе отъ нихъ ни на шагъ. Одинъ изъ нихъ съ насмѣшливой улыбочкой сказалъ намъ, что еще 9-го августа н. ст. онъ жилъ подъ Петербургомъ. На нашъ вопросъ, какъ онъ могъ уѣхать, онъ отвѣтилъ: «Мы всегда уѣзжаемъ и пріѣзжаемъ, когда хотимъ».

Въ Сассницѣ, въ первый разъ за весь плѣнъ, осмотрѣли наши бумаги и вещи, ничего у насъ не отобравъ. До послѣдней минуты нѣмцы торопились и не могли скрыть своего облегченія, когда мы, сестры, наконецъ очутились на палубѣ. Кн. Л. и Б. остались на берегу, окруженные своей стражей. Грустно до слезъ было разставаться съ ними,—нашими товарищами по несчастью, тѣмъ болѣе грустно, что, находясь уже на нейтральной почвѣ, съ привкусомъ свободы, мы въ первый разъ со стороны увидали всю тягостность плѣна, отъ котораго насъ отдѣляло лишь нѣсколько аршинъ воды,—и который еще охватывалъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Еще разъ вспомнилось все то хорошее, чѣмъ мы, сестры, были обязаны ихъ присутствію, давшему намъ за все время плѣна постоянную защиту и поддержку.

Пароходъ медленно отчалилъ отъ берега. Во все время переѣзда мы были въ какомъ-то чаду. Несмотря на ласковый пріемъ шведскихъ моряковъ, на комфортъ, отъ котораго мы успѣли совершенно отвыкнуть, все мерещился кошмаръ плѣна. Невольно оглядывались, ища гла-

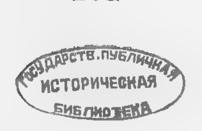
зами конвой, еще совершенно не въ состоянiи охватить всей ширины нашей свободы. И усталости, усталости было безъ конца... Швецiя встрѣтила насъ сплошной лаской и улыбкой «Fürtou rüsska sister» 14 русскихъ сестеръ были всюду центромъ вниманiя. Въ Стокгольмѣ наше посольство и Русскiй комитетъ встрѣтили насъ и такъ приласкали, что мы сразу почувствовали себя въ родной атмосферѣ.

Въ тотъ же вечеръ мы двинулись дальше на Карунки, Торнео, гдѣ насъ также сердечно встрѣтилъ консулъ Вербицкiй, а въ Вербную субботу мы наконецъ были дома.

Чѣмъ дальше отъ насъ отходитъ время плѣна, тѣмъ оно для насъ становится рельефнѣе,—и на разстоянiи страшнѣй. Ежедневная тяжелая работа, сѣть крупныхъ и мелкихъ событiй заполняли всѣ часы и отвлекали наши мысли отъ сути плѣна, которая сама по себѣ страшна и нелѣпа; нелѣпа въ силу того, что человѣкъ, намъ подобный, случайно захвативъ насъ въ свою безграничную власть, обратилъ насъ въ безправныя созданiя,—страшна потому, что этотъ человѣкъ—нашъ врагъ, всѣ усилiя котораго направлены на то, чтобъ убить, уничтожить, стереть съ лица земли все, намъ близкое и родное. Очутившись и живя среди нѣмцевъ въ такихъ обстоятельствахъ, когда все наносное отпадаетъ, и человѣкъ проявляетъ свою настоящую цѣнность, мы, какъ никогда, постигли, что это люди другой породы, съ совершенно чуждымъ намъ мiровоззрѣнiемъ и душевнымъ складомъ; столкнувшись непосредственно съ такими нѣмцами, мы среди нихъ встрѣтили только двухъ-трехъ, которые отнеслись къ намъ вполнѣ человѣчно.

Нигдѣ, какъ въ плѣну мы не почувствовали такъ сильно наше нацiональное превосходство надъ воинствующими пруссаками. Пускай съ нами обращались какъ съ низшими существами, издѣвались надъ нами, морили насъ голодомъ,—мы презирали ихъ отъ всей души, презирали именно за эту природную черствость, особенно проявляющуюся на тѣхъ, кто не могъ защититься.

Апрѣль 1915 г.

Цѣна 80 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ «Новое Время» Петроградъ, Невскій 40.

